

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. Л. ЧЕСТНОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учебное пособие

Часть 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА

**Санкт-Петербург
2019**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. Л. ЧЕСТНОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учебное пособие

Часть 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА

Санкт-Петербург
2019

Р е ц е н з е н т ы

*А. А. ДОРСКАЯ, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.*

*Б. С. СТАРИНА, доцент кафедры теории права и государства юри-
дического факультета Санкт-Петербургского государственного уни-
верситета аэрокосмического приборостроения.*

Честнов, И. Л.

Ч51 Актуальные проблемы теории государства и права. Учеб-
ное пособие. В 2 частях. Часть 1. Актуальные проблемы тео-
рии государства / И. Л. Честнов.— Санкт-Петербург : Санкт-
Петербургский юридический институт (филиал) Универси-
тета прокуратуры Российской Федерации, 2019. — 63, [1] с.

В учебном пособии излагаются наиболее сложные и актуаль-
ные проблемы теории государства с позиций диалогической пост-
классической методологии. Особое внимание уделяется много-
гранности бытия государства, его процессуальной природе, суве-
ренности государственной власти в соотношении с суверенностью
личности, вопросам функционирования государства, контроля
над насилием.

Учебное пособие предназначено для обучающихся по про-
граммам высшего образования по укрупненной группе специаль-
ностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция.

УДК 340(075)
ББК 67.0я73

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ БЫТИЕ ГОСУДАРСТВА	6
2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ: СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ	18
3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА	33
4. ФУНКЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗА НАСИЛИЕМ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ	49
<i>ЛИТЕРАТУРА</i>	61

ВВЕДЕНИЕ

Государство — сложный, многогранный, полимодальный феномен, играющий чрезвычайно важную роль в обществе. Ни одна социальная проблема сегодня не может быть решена без участия государства, утверждает известный отечественный экономист А. А. Аузан. Сложность, комплексность многоаспектного образования, именуемого государством, затрудняет его однозначное, а тем более «единственно верное» описание и объяснение (что не отрицает более точных и обоснованных теоретических подходов, и менее аргументированных). Сегодня — в ситуации постмодерна, в которой нам уготовано историей проживать, — в принципе не может быть единственно верной точки зрения на то, что же такое государство: на таковую может претендовать только Господь Бог, а не простой смертный. Это связано, во-первых, с проблематичностью референции понятия «государство». В самом деле: к чему, какому или каким объектам оно отсылает? Любой перечень таковых (народ, территория, государственная власть, государственные ресурсы, методы деятельности и др.) всегда будет неполным, ограниченным.

Во-вторых, бытие государства, как и любого социального явления (образования), контекстуально: оно зависит от позиции наблюдателя, включенного в социокультурный и исторический контекст, задающий ценности, идеологию, идиосинкразию, которые определяют то, как именно описывает и оценивает государство тот или иной исследователь.

В-третьих, существование государства зависит от того, как оно воспринимается множеством образующих постсовременный социум социальных групп, в первую очередь — представителями государственной власти. Такая рефлексивность сегодня встроена в функционирование государства. Это вытекает из лингвистического поворота, определяющего содержание социогуманитарного знания с конца XX в.: что-либо существует, если есть знание о существующем. Поэтому государство как таковое неотделимо от знания о нем, в широком смысле слова, включающего как научные теории, философские и идеологические построения, так и здравосмысловые, обыденные образы, социальные представления о государстве, которые конструируются основными социальными группами данного социума.

Существуют и другие сложные проблемы, относящиеся к теории постсовременного государства. В настоящем учебном пособии акцентируется внимание на бытии государства, на его новом прочтении с позиций диалогической методологии. Полагаю, вдумчивый читатель найдет небезынтересными размышления автора со ссылками на многочисленные литературные источники о признаках государственной власти, в частности ее суверенности в соотнесении с суверенитетом личности. Возможно, вызовет желание поспорить анализ цели государства и интересов государственной власти.

Значительное внимание в учебном пособии уделено функционированию государства в ситуации риска, неопределенности как важнейших характеристик постсовременного мира. В качестве материала, дополняющего курс криминологии, в работе излагаются современные теории контроля за насилием постсовременного государства, прежде всего предупреждения преступности.

Материал, представленный в данной работе, не прост для восприятия. Однако надеюсь, что того, кто интересуется актуальными проблемами юриспруденции, в частности самыми новыми достижениями теории государства, такая усложненность подачи материала не отпугнет.

1. УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ БЫТИЕ ГОСУДАРСТВА

Государство — сложное, многогранное и трудно определяемое (ускользающее от дефиниций¹) явление. Оно внешне выражается во множестве референтов — объектов, на которые указывает данное понятие. Среди них чаще всего выделяют власть, институты и организации, население, территорию, орудия и средства деятельности, управление (как содержание функционирования государства), знаково-символическое оформление и др. Так, Ю. А. Тихомиров полагает, что «государство есть универсальная публичная организация общества для управления его общими делами на основе права». Отсюда он выводит следующие признаки государства. «Во-первых, это государственная власть как целенаправленное организованное воздействие на поведение граждан, всех слоев общества и тем самым на происходящие в нем процессы. Во-вторых, это публично объединенный народ, нация, граждане, представляющие собой главное звено в соединении общества и государства. В-третьих, это государственная территория и государственная граница как строго определенное пространство действий власти и ее юридических правил. В-четвертых, это государственные ресурсы — объекты собственности, казна, налоги, бюджет, которые служат материальной основой функционирования государства. В-пятых, это правовое регулирование, используемое государством для создания и реализации системы правовых регуляторов, имеющих общеобя-

¹ Ф. Ницше в свое время провозгласил, что «все понятия, в которых семиотически резюмируется процесс как таковой, ускользают от дефиниции; дефиниции подлежат только то, что лишено истории». — Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. Я. Бермана и др. М., 1990. Т. 2. С. 457. (Библиотека «Филосовское наследие»).

зательную силу. В-шестых, это официальное участие в делах мирового сообщества и представительство страны в международных отношениях»². По мнению английского социолога-марксиста Б. Джессопа, государство — «это сложный ансамбль (или, как это называют некоторые исследователи, “сборка”) институтов, организаций и взаимодействий, участвующих в осуществлении политического лидерства и реализации решений, которые в принципе являются коллективно обязывающими для его политических субъектов. Эти институты, организации и взаимодействия обладают различными пространственно-временными характеристиками и горизонтами действия и мобилизуют ряд возможностей и ресурсов государства для достижения государственных целей»³. Несколько другие аспекты государства выделяет узбекский политолог и дипломат А. Файзуллаев, определяя государство как «основанное на опыте, антропоморфное образование, представляющее собой, во-первых, целостный организм, функционирующий как интегрированное образование; во-вторых, поведенческую единицу, которая представлена действиями целеустремленного актора; в-третьих, персонифицированную сущность, наделенную характеристиками личности, индивидуальности; в-четвертых, метафоричное образование, отраженное в мифической или символической форме; в-пятых, властную структуру, обладающую ресурсами принуждения; в-шестых, социальное образование, возникающее в результате социального познания индивидов; и, в-седьмых, разновидность идентичности, определяющую самовосприятие отдельных личностей»⁴.

Перечисление атрибутов государства, очевидно, можно продолжить. Так в изложенном интересном и оригинальном подходе А. Файзуллаева акцент сделан на психических аспектах государства, но не принимается во внимание такой его важнейший признак, как монопольное право на насилие⁵. Как замечают Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, насилие является «главным фактором любых объяснений того, как ведут себя общества. Не-

² Тихомиров Ю. А. Государство : монография. М., 2013. С. 56—57.

³ Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева под науч. ред. Д. Карасёва. М., 2019. С. 53.

⁴ Faizullaev A. Individual experiencing of states // Review of International Studies. 2007. № 33. P. 535.

⁵ Монопольное право на использование насилия считал основным признаком государства М. Вебер. — Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. С. 318.

обходимым предварительным условием для формирования долговечной крупной социальной группы является способность контролировать насилие»⁶. Виды государств, по мнению авторитетных экономистов, отличаются прежде всего способами контроля над насилием⁷.

При этом следует констатировать, что *признаки государства, как и любого сложного социального явления, потенциально неисчерпаемы*⁸. Они не существуют как некая данность, а возникают в процессе взаимодействия государства с другими социальными явлениями — с экономикой, культурой, демографией и т. д. Кроме того, содержание признаков государства задается историческим и социокультурным контекстом.

В этой связи важно определить, какие характеристики государства являются наиболее важными. Полагаю, что ответ на этот вопрос зависит от того, какие признаки приписываются социальному институту как родовому понятию, частным случаем которого выступает государство, как и от того, какой позиции придерживается тот или иной автор, описывающий и объясняющий феномен государства⁹. С точки зрения постклассической диалогической методологии таковыми являются: *акторы, их действия или практики, которыми конструируются и воспроизводятся социальные институты; знаково-символическое опосредование этих практик (знания, образы, эмоции, образующие ментальную, психическую составляющую социального института); результаты этой деятельности*. Сама деятельность (практики) оценивается акторами с точки зрения предшествующих и воспроизводящихся критериев — системы права, морали и других нормативных систем, идеологии. В то же время такие практики всегда выражают

⁶ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера и др. М., 2011. С. 427.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ О многогранности, потенциальной неисчерпаемости признаков государства см.: Честнов И. Л. Постклассическая модель государственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1. С. 62—79.

⁹ Такая позиция является прежде всего методологией, избранной соответствующим исследователем. При этом методология неотделима от идеологии, явно или латентно присутствующей в любом изложении государства. Государство как «подвижная мишень или изменчивый референт является, по сути, предметом борьбы за его определение», — справедливо замечает Б. Джессоп. — Джессоп Б. Указ. соч. С. 51.

властные отношения, структурирующие любой социальный институт как совокупность ролей, иерархий, прав и обязанностей. Важно то, что такой подход акцентирует внимание на *процессуальной составляющей*, а не на статике, как это принято в классической теории государства, подробно и обстоятельно описывающей субъектов, наделенных властными полномочиями, их компетенцию, соотношение с другими субъектами (преимущественно государственными органами). Такой — статический — подход, конечно, также важен, но он не позволяет ответить на вопрос об оценке и эффективности государства, эксплицировать необходимость его реформирования. Дополнение статике динамикой — неперемное условие для адекватного описания и объяснения такого сложного феномена, как государство¹⁰. М. Дин, последователь и пропагандист учения М. Фуко, пишет, что теории государства основанные на «легитимности суверена, основаниях его власти и права в качестве законодательной и правоприменительной инстанции в пределах некоторой территории... не подходят для осмысления ключевых политических проблем настоящего. <...> По Фуко, проблема оснований суверенитета и нашего подчинения ему должна быть вытеснена анализом множественных операций и механизмов власти и господства»¹¹.

Существует необозримое множество, концепций государства. Так, для юриста соблазнительным (наиболее предпочтительным) представляется формально-юридический, или нормативистский, подход, сформулированный в начале XX в. одним из наиболее авторитетных теоретиков права, родоначальником юридического

¹⁰ «Хотя государство часто кажется нам средой, — образно пишет В. В. Волков, — в которой мы живем, как если бы мы все и вправду составляли частички Левиафана, его существование на самом деле зависит от повседневных взаимодействий людей, вовлекаемых в административные процедуры, и от коллективных представлений, обеспечивающих легитимность порядка. Воспроизводство государства — это миллионы ежедневных типовых упорядоченных взаимодействий. ...В этом взаимодействии важен не только процедурный, но и символический компонент: слова, различения, классификации, единицы измерения, образы. Любое государство живет до тех пор, пока каждый служащий действует не в своем личном качестве, а от имени государства, пока остальные признают эту “игру”, и пока все эти действия вместе проецируют сущность по имени “государство” как общий воображаемый референт таких действий». — Волков В. В. Государство, или Цена порядка. СПб., 2018. С. 114. (Азбука понятий ; вып. 6).

¹¹ Дин М. Правительность : Власть и правление в современных обществах / пер. с англ. А. А. Писарева под науч. ред. С. М. Гавриленко. М., 2016. С. 105.

нормативизма Г. Кельзенем. Его точка зрения, несколько в упрощенном изложении, состоит в том, что государство — это законодательство, регулирующее формирование и деятельность (компетенцию) государственных органов¹². Такое определение, конечно, имеет право на существование. Более того, оно важно с точки зрения юриста-практика и любого человека, сталкивающегося с государством в практическом аспекте: ознакомившись с действующим публично-правовым (преимущественно) законодательством, можно четко узнать, что может человек и что ему запрещено по отношению к государственной власти и каковы пределы действия государственных органов, прежде всего во взаимоотношениях с населением.

При всей привлекательности формально-юридической точки зрения на государство, тем не менее нельзя не отметить ее недостатки. Прежде всего, она не содержит собственно *теории* государства, государственной власти, так как не дает ответов на вопросы, почему именно такова компетенция государства (государственных органов), каковы пределы его вмешательства в частную и общественную жизнь, насколько обоснованна закреплённая в законодательстве компетенция государственной власти, эффективно ли действуют государственные органы и не надо ли вносить изменения в действующее публично-правовое законодательство. Другими словами, в ней не содержатся теоретические критерии оценки государства, а значит — критерии и возможности его реформирования (изменения)¹³. Нормативистский подход является формально-юридическим, и этим все сказано: акцентируя внимание на форме, он пренебрегает содержательными аспектами государства.

Более перспективным, отчасти, представляется юснатуралистский подход, представленный теориями естественного права, в том числе современными версиями общественного договора. В теориях

¹² «Государство — это относительно централизованный правопорядок. Государство, основными элементами которого являются население, территория и государственная власть, определяется как относительно централизованный, в общем и целом действенный правопорядок с ограниченной пространственной и временной сферами действия, суверенный или непосредственно международно-правовой». — Кельзен Г. Чистое учение о праве. (2-е изд., 1960) / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб., 2015. С. 351, 355.

¹³ Очевидно, что ни одно, даже самое совершенное государство (а таковых, как известно, не существует в реальной действительности) не может быть совершенным более или менее длительное время — оно всегда нуждается в совершенствовании, особенно сегодня — в текущем постсовременном мире, одной из черт которого является постоянная изменчивость.

естественного права задается критерий оценки идеального государства через формулирование его цели, к реализации которой должно стремиться любое эмпирически данное государство. Не ставя под сомнение важность научной рефлексии относительно цели и задач государственной власти, большинство естественно-правовых теорий претендуют на обнаружение универсальной и содержательной характеристики таковых. При этом предполагается, что существует априорная данность цели государства — обеспечение всеобщего блага (содержание которого разные авторы трактуют по-разному). Тем самым авторскому представлению о всеобщем благе приписывается открытая в природе вещей всемогущим Разумом юридического Геркулеса¹⁴ сущность государства. Сегодня очевидно, что претензии законодательствующего Разума (по терминологии И. Канта) остались в прошлом. Более того, такие претензии, как показала печальная практика XX в., чреваты либо тоталитаризмом, либо его противоположностью — анархией и хаосом, социальной аномией. Когда кто-то говорит, что он знает все ответы на все вопросы — он либо добросовестно заблуждается, либо, что встречается гораздо чаще, пытается выдать свою точку зрения за универсальную. Результатом успешности таких попыток зачастую является узурпация власти.

Гораздо более перспективной является модификация естественно-правовой теории государства новыми, постсовременными версиями контрактуализма. Делиберативная теория государства, или экономический конституционализм, исходит из того, что цель государства не является универсальной и содержательно определенной. Ее содержание формируется (конструируется) в процессе обсуждения (делиберации). Ю. Хабермас, основоположник теории политико-правовой делиберации, понимая невозможность универсального содержательного обоснования социальных норм, формулирует коммуникативную концепцию социальной нормативности, основанную на формальной, дискурсивной, делиберативной рациональности. «Основное положение этики дискурса, — пишет немецкий мыслитель, — запрещает особо выделять, ссылаясь на философский авторитет, какие-либо моральные

¹⁴ Мифическая фигура юридического Геркулеса, который обладает всей полнотой знания и может решить любой сложности правовой вопрос, была выведена У. Блэкстоном в XVIII в. и популяризирована Р. Дворкиным во второй половине XX в.

содержания (например, определенные принципы справедливого распределения) и раз и навсегда закреплять их средствами морали»¹⁵. Тем самым обосновывается, что социальные (следовательно, правовые) нормы, притязают не на истину, а на социальную значимость как их принятие или признание универсальной аудиторией. «Каждая действенная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые общее следование ей возымеет для удовлетворения интересов каждого отдельного индивида, могут быть без какого бы принуждения приняты всеми, до кого она имеет касательство»¹⁶.

О процедурности выработки оснований политики пишут представители «конституционной политической экономии»¹⁷. Конституционная политическая экономия, по мнению Д. Бьюкенена, — это «исследовательская программа, которая направлена на изучение действующих характеристик правил и институтов, в рамках которых взаимодействуют индивиды, а также процессов, посредством которых эти правила и институты выбираются или возникают»¹⁸. В таком случае конституция — это договор между гражданами, учреждающий институты государства¹⁹.

Суть его в том, что все социальные институты спроектированы разумом человека для максимального удовлетворения его потребностей. Более того, это предполагает, что все социальные институты основаны на договоре — взаимном согласии о границах прав

¹⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. СПб., 2000. С. 182.

¹⁶ Там же. С. 179.

¹⁷ См.: Бьюкенен Дж. [Сочинения] / пер. с англ.: Ю. Н. Парамонов, А. А. Соловьева. М., 1997. (Нобелевские лауреаты по экономике); Его же. Конституционная политическая экономия // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла и др.; пер. с англ.: науч. ред. В. С. Автономов. М., 2004. С. 167—169; Бреннан Дж., Бьюкенен Д. Причина правил. Конституционная политическая экономия / пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева. СПб., 2005. (Этическая экономия: исследования по этике, культуре и философии хозяйства; вып. 9); Заостровцев А. П. Идеалы конституционной экономики и российская реальность // Актуальные экономические проблемы России / под общ. ред. Л. Э. Лимонова. СПб., 2005; Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. / пер. с англ. А. А. Фофонова под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб., 2004. 2 т.; Тамбовцев В. Л. Право и экономическая теория: учеб. пособие. М., 2005. 154 с. (Учебники экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова).

¹⁸ Buchanan J. M. The Domain of Constitutional Economics // Constitutional Political Economy. 1990. Vol. 1. №. 1. P. 1.

¹⁹ Mueller D.C. Public Choice Approach to Politics. Aldershot, 1993. P. 102.

человека и их использования²⁰. «В основе общественного устройства как такового лежит нечто, напоминающее общественный договор или квази-договор», при этом «конституционный договор, который определяет права» принципиально отличается от «пост-конституционного, который организует обмены этими правами»²¹. *Основным показателем деятельности человека во всех сферах общества в таком случае является эффективность, которая понимается как максимизация ценности или полезности (выгоды)*²².

Однако при всей перспективности и популярности изложенных подходов приходится констатировать, что «идеальная речевая ситуация» как образец для принятия политических решений в современном сложноструктурированном обществе — не более чем утопия. С другой стороны, не существует нейтральных процедур, позволяющих принимать объективные решения в интересах всех «групп специальных интересов», как и способов их — интересов — согласования.

Наиболее предпочтительной теорией государства, адекватной постклассическому контексту, с моей точки зрения, является *диалого-социологическая*. **Диалогизм** — это и есть многогранность государства, проявляющаяся в механизме его воспроизводства. В государстве уместно выделить несколько основных противоположных аспектов, или моментов, сторон, которые взаимодополняют, взаимообуславливают друг друга. Собственно, диалогичность и есть эта взаимообусловленность, взаимопереход должного и сущего, идеального и материального.

Основным противоречием, или антиномией, в любом социальном образовании, включая, конечно, и государство, является *диалог действия и структуры*. «Такие понятия, как “государство”, “сообщество” (Genossenschaft), “феодализм” и т. п., в социологическом понимании означают, если выразить это в общей форме, — категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к “понятному” поведению, а такое сведение всегда означает только одно — сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей»²³. Об этом же, в принципе, пишут

²⁰ См.: Бреннан Д., Бьюкенен Д. Указ. соч. Гл. 2.

²¹ Бьюкенен Д. [Сочинения]. С. 209.

²² См.: Познер Р. Указ. соч. Т. 1. С. 15 ; Тамбовцев В. Л. Указ. соч. С. 131—184.

²³ Вебер М. Указ. соч. С. 507.

Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст применительно к понятию «общество»: «Мы понимаем, что общества не являются акторами. Действия совершают не общества, а индивиды. Тем не менее там, где это не будет вводить в заблуждение, мы иногда будем использовать язык метонимии и овеществления, используя термин общество как удобное сокращение более громоздкой конструкции: совокупность индивидов, коллективно принимающих ряд индивидуальных решений, производя таким образом общие и разделяемые представления и убеждения относительно выборов, последствий и результатов»²⁴.

При этом следует иметь в виду, что действия совершают люди в контексте социальных структур, ограничивающих и обуславливающих активность индивидов. Структура, в свою очередь, существует, только если воспроизводится практиками (поведенческими и ментальными, психическими) людей. В то же время социальная структура — это не «вещь» или «предмет», а социальное представление, которое многократно повторяется в действиях относительно широких слоев населения. Бытие структуры реифицируется (овеществляется, или объективируется) в знаковой форме как некая данность, не подвергаемая сомнению (по крайней мере, в том, что она «объективно» существует), и принуждает (символически) к совершению определенных действий. Одновременно структура продуктивна: она создает возможности автономии и свободы человека²⁵. Структура, таким образом, и ограничивает и обеспечивает свободу: она как абстрактные безличные правила, утверждал Ф. Хайек, «защищает индивида от произвола и насилия со стороны других. ...Нашей свободе мы обязаны ограничениям свободы»²⁶.

Структура в социальном мире представлена прежде всего социальными институтами (одним из которых является государство). При этом «институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и

²⁴ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Указ. соч. С. 56.

²⁵ «Структура представляет собой дифференциал ограничений и возможностей, который переключается актором». — Джессоп Б. Указ. соч. С. 122.

²⁶ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода : современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. М., 2006. С. 485. (Серия «Политическая наука»).

средства принуждения к исполнению этих правил и норм. Наиболее распространенное представление об институтах заключается в том, чтобы рассматривать их как ограничения поведения индивидов как индивидов, например: если существует ограничение скорости до 60 миль в час, как быстро я должен ехать? Однако институты также структурируют способ формирования у индивидов убеждений и мнений о поведении других людей...»²⁷.

Диалог действия/структуры в другом измерении воплощается в *антиномии материального/идеального*. Материальным аспектом государства выступают практики, включая внешние, контекстуальные ограничения деятельности человека (экономические, политические и т. п. факторы, которые эмпирически проявляются, опять-таки, в соответствующих практиках), а идеальным (ментальным, психическим) — их объективации в социальных представлениях, знаниях, эмоциях, которыми практики мотивируются²⁸. «Анализировать управление, — пишет М. Дин, — значит анализировать практики, которые пытаются формировать, определять, мобилизовывать и действовать через пристрастия, желания, устремления, потребности, нехватки и образы жизни индивидов и групп. Такая перспектива пытается связать вопросы управления, политики и администрирования с пространствами тел, жизней, самостей (selves) и личностей»²⁹. Об этом же, в целом, пишет Б. Джессоп, утверждающий необходимость добавления к «трехчастному» подходу к определению государства, «в основе которого лежит взаимосвязь между территорией, аппаратом и населением государства», «четвертого элемента, а именно “идеи государства”, или государственного проекта, который определяет природу и цели государственных действий»³⁰. Полагая, что идеальное применительно к государству включает не только его интересы, волю и цели, которые всегда иллюзорны³¹ и оспоримы, но все дискурсивные практики, которыми опосредуются действия, производимые «от имени» и «по поручению» государства и которыми определяются границы его — государства — действительности как действенности (т. е. его существования в социальном смысле). С помощью таких дискурсивных

²⁷ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Указ. соч. С. 59.

²⁸ В социальном мире мотив выступает причиной поведения.

²⁹ Дин М. Указ. соч. С. 77.

³⁰ Джессоп Б. Указ. соч. С. 45.

³¹ Об «иллюзорности» государственных интересов и государственной воли см. подробнее: Там же. С. 115, 195 и след.

практик основные социальные силы ведут борьбу за «гегемонию» — за придание своей «частной» точке зрения на политическое (шире — социальное) устройство мира универсального измерения и официального статуса и за обеспечение активного согласия с этой картиной мира населения³². Более того, существующий в идеологии и обыденном мировоззрении образ государства как результат борьбы за «гегемонию», играет принципиально важную роль в его легитимности, а потому — в эффективности функционирования.

П. Бурдьё в курсе лекций «О государстве», прочитанных в Коллеж де Франс в 1989—1992 гг., показывает ключевую роль знания, необходимого для образования современного государства (в XVII в.) и его функционирования сегодня. Он называет такое знание, вырабатываемое и необходимое для профессиональных корпусов чиновников и юристов, «информационным капиталом» государства, который также становится предметом концентрации по мере становления бюрократических структур. «Государство как продукт экспертного знания и как интерес во всеобщности эволюционирует вместе с материализацией бюрократических и силовых институтов», — пишет автор предисловия А. Бикбов³³. Государство, по мнению французского социолога, — это «коллективная иллюзия, или фикция». «Бурдьё указывает, что институты могут функционировать, а государство в целом эффективно претендовать на монополию в отправлении насилия именно тогда, когда эта фикция действительна. Как коллективное и исторически обоснованное верование государство — это в первую очередь *“принцип организации согласия”*, который маскирует произвол институциональной рутинной, позволяя участникам социальных взаимодействий легитимно забывать о силовом и насильственном происхождении некоторых социальных связей, отдавая предпочтение консенсусу и лояльности»³⁴.

³² А. Грамши, пожалуй, наиболее востребованный сегодня марксист начала XX в., определял государство как «комплекс теоретических и практических видов деятельности, при помощи которых правящий класс не только оправдывает и поддерживает свое господство, но и ухитряется завоевать активное согласие тех, кем он правит». — Цит. по: Джессоп Б. Указ. соч. С. 215.

³³ Бикбов А. Как делается государство // Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992) / [ред.-сост. П. Шампань и др.] ; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой ; предисл. А. Бикбова. М., 2016. С. 19.

³⁴ Там же. С. 20.

В то же время П. Бурдьё формулирует эмпирическое измерение государства как поле и результат борьбы между множеством акторов за право официальной номинации, категоризации, классификации и квалификации социального мира, «за монопольное право на *символическое насилие*, то есть на способность определять, как следует мыслить порядок, какими способами им и в нем оперировать, и даже на саму возможность его осмысливать. Так, благодаря всеобщему школьному обучению орфографии, истории и математике индивиды утрачивают возможность мыслить своевольное насилие как легитимное»³⁵.

Принцип диалога предполагает, что формально-юридический подход необходимо дополнить социологическим для адекватного описания государства. При этом социология государства должна опираться на диалог (как развитие диалектики в постсовременном контексте), требующий не только анализ противоположных моментов государственности, но и его генезис и контекстуальную обусловленность. Последнее означает вписание государства в общественные отношения, задающие цель и определяющие функции государства. Наиболее рельефно диалогичность государства, которую не следует путать с его идеальным устройством³⁶, проявляется в его функционировании.

У государства, заявлял М. Фуко, «нет сущности. Государство — это не универсалия, государство — это не автономный источник власти в-себе. Государство — это не что иное, как эффект контура, подвижный срез непрестанной этатизации или этатизаций, непрестанных взаимодействий, которые изменяют, смещают, сотрясают, коварно заставляют перемещаться источники финансирования, способы инвестирования, центры принятия решения, формы и типы контроля, отношения между местными властями и центральной властью и т. п. Короче, у государства, как известно, нет сердца. Не просто потому, что у него нет чувств — ни хороших, ни плохих, — у него нет сердца в том смысле, что у него нет внутренностей. Государство — это не что иное, как меняющееся следствие сложного режима руководств. <...> Речь идет не о том, чтобы вырвать у государства его тайну, речь о том, чтобы подступиться снаружи и изнутри к проблеме государства, предпринять изучение проблемы государства, исходя из практик руководства.

³⁵ Там же. С. 22.

³⁶ Повторюсь: диалог — это взаимообусловленность противоположных моментов. Поэтому диалог — это не дружба или любовь, а постоянное разрешение споров и конфликтов.

В этой перспективе, продолжающей нить анализа либерального руководства, я бы хотел взглянуть на то, как оно представляется, как оно осмысливается, как оно одновременно творит себя и само себя анализирует; короче, как оно проектируется в настоящее время»³⁷.

Подводя итог, можно обозначить перспективы формирования нового — постклассического — подхода к экспликации ускользающего бытия государства: традиционный подход к теории государства необходимо дополнить анализом того, как именно функционирует государство, как конструируется государственная власть (которая конструирует общество), какова роль населения во взаимодействии с властью, как именно осуществляется контроль над насилием.

2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ: СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ

Государственная власть — основной признак государства. Именно она — государственная власть — организует политико-правовыми средствами и формами все иные признаки государства, ограничивает пределы политически организованного общества (конструирует в политико-правовом смысле общество) и обеспечивает функционирование управления (или управляемости) общества. Однако прежде чем предложить свою версию специфики государственной власти, необходимо рассмотреть, хотя бы в общих чертах, характеристики власти как таковой. Сделать это чрезвычайно проблематично в силу многогранности, сущностной оспоримости такого комплексного понятия, как власть³⁸.

³⁷ Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб., 2010. С. 103.

³⁸ Сложность анализа власти, ко всему прочему, состоит в том, что «властные отношения, — как справедливо утверждал Э. Тоффлер, — присущи всем общественным системам и человеческим взаимоотношениям. Власть — не конкретное явление, но аспект всех без исключения отношений между людьми. Поэтому она неизбежна и нейтральна — воистину, в ней нет ни хорошего, ни дурного. В систему власти включены все, и никто от нее не свободен». — Тоффлер Э. Метаморфозы власти : пер. с англ. М., 2002. С. 574. (Philosophy). Такая всепроникаемость власти, ее существование на уровне «микрофизики» (по терминологии М. Фуко), затрудняет научную фиксацию, всегда реифицирующую социальную изменчивость, контекстуальность и релятивность власти.

В научной литературе, посвященной власти, наблюдается огромное множество подходов к анализу власти. Практически все они так или иначе связаны либо с возможностью порождать социальные эффекты, либо с фактическим их порождением³⁹. Однако власть в качестве объясняемого, по справедливому заключению Б. Джессопа, «не обладает независимым статусом в причинно-следственном анализе. Она либо формальное бессодержательное понятие, неспособное объяснить, как порождаются конкретные последствия, либо замещающее понятие, которое становится избыточным, как только исследование выявляет содержательные механизмы, порождающие эти последствия. Неспособность признать эту дихотомию ведет к кругу в доказательствах, когда результаты применения власти объясняются самим применением власти. Чтобы избежать этих проблем, следует признать, что нет такой вещи, как власть вообще или общая власть»⁴⁰.

Власть с точки зрения диалогической методологии представляет собой единство компетенции (включающей способности акторов власти и подвластных) и функционирования (производимый властный эффект). Одновременно власть всегда предполагает материальный и ментальный, психический аспекты, которые взаимодополняют друг друга. «Базовые категории и социальные воображения» «оформляют, гегемонизируют мир и господствуют в нем»⁴¹. В этой роли социальных представлений, включающих идеологическое господство, проявляется реальность идеального: действия людей направляются мотивацией (в широком смысле слова включающей потребности, интересы, цели, смыслы и значения). Поэтому изучение власти должно включать как фактические действия людей, так и их ментальный аспект, выступающий причиной в социальном мире⁴².

Еще одной антиномией власти является внешнее принуждение и внутренняя, психическая легитимность. Принуждение или возможность такового сегодня претерпевает существенные транс-

³⁹ См. подробнее: Джессоп Б. Указ. соч. С. 192.

⁴⁰ Там же. С. 192—193.

⁴¹ Там же. С. 234.

⁴² Полагаю, что «физическая причинность», понимаемая как неизбежность порождения именно такого следствия, отсутствует в социальном мире, в котором неустранима свобода воли. В противном случае, если все заранее предопределено, вменяемые и достигшие возраста, позволяющего адекватно воспринимать мир и вести себя в нем, не могли бы считаться субъектами социальных действий и права.

формации: происходит переход от физического насилия к информационному воздействию «мягкой силы». Об этих новых формах властвования подробнее будет сказано ниже. Именно эти новые формы и методы власти, проникающей везде и всюду, обеспечивают убеждение населения в необходимости воспроизводства установленных властных отношений в обществе и гораздо большую эффективность управления.

Основой власти является механизм представительства, диалогического отношения между властвующими и подвластными. Парадокс представительства, вскрытый П. Бурдьё, состоит в том, что практики пресуществления формируют (конструируют и даже конституируют) социальную группу, выдавая за передачу полномочий действовать от уже якобы существующей органической целостности — социального образования. Практики «пресуществления», «узурпации делегирования» и «самоосуществления доверенных лиц» включают «логику, обыкновенно воспринимаемую и описываемую как процесс делегирования, в котором уполномоченное лицо получает от группы власть образовывать группу. <...> Тайна процесса пресуществления, которая совершается через превращение официального представителя в группу, чье мнение он выражает, не может быть разгадана иначе, как в историческом анализе генезиса и функционирования *представления*, при помощи которого представитель образует группу, которая произвела его самого. Официальный представитель, обладающий полной властью говорить и действовать во имя группы, и, вначале, властью над группой с помощью магии слова приказа, замещает группу, существующую только через эту доверенность. Персонифицируя одно условное лицо, социальный вымысел, официальный представитель выхватывает тех, кого он намерен представлять как изолированных индивидов, позволяя им действовать и говорить через его посредство, как один человек. Взамен он получает право рассматривать себя в качестве группы, говорить и действовать, как целая группа в одном человеке: “*Status est magistratus*”, “Государство — это я”, “Профсоюз думает, что...”»⁴³. Благодаря механизму представи-

⁴³ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. СПб., 2007. С. 14—48. (Серия «Gallicinium»).

тельства обеспечивается политико-правовая идентичность: приписывание особого статуса социальному образованию, его реификации, позволяющей представлять это образование как якобы самостоятельно существующее. Тем самым формируется представление о самостоятельности государства как автономного института: высшие должностные лица получают свой социальный (и правовой) статус с помощью убеждения населения в том, что они представляют единство нации, проживающей на определенной территории. Такое единство государства — это разновидность юридической фикции. При этом реальность единства государства не менее «реальна», чем любого другого социального образования, а может быть, и более — из-за монополии государства на производство легального образа мира⁴⁴. «Государство, — полагает Б. Джессоп, — не имеет внутренне присущего субстанционального единства в качестве ансамбля институтов, даже там, где есть формальный изоморфизм или комплементарность»⁴⁵. Более того, о государстве как едином субъекте, по мнению английского социолога, можно говорить только тогда, когда государственные управленцы интернализируют юридическую условность быть «универсальным классом» и «представлять интересы общества» «и она становится сущностно важной частью их идентичности и ориентаций»⁴⁶.

Если государство рассматривать как контекстуальное, релятивное общественное отношение (такой «стратегически-реляционный» подход предлагает Б. Джессоп), то «государственная власть есть институционально и дискурсивно опосредованная конденсация (отражение и преломление) меняющегося баланса сил, стремящихся влиять на формы, цели и содержание политической системы, политического процесса и мер государственной политики»⁴⁷. «Ядро государственного аппарата включает в себя относительно унитарный ансамбль укорененных в обществе, социально регулируемых и стратегически селективных институтов и организаций (*Staatsgewalt*), общественно признанной функцией которых является вынесение и проведение в жизнь решений, обязательных для всех членов общества (*Staatsvolk*) на определенной

⁴⁴ Джессоп Б. Указ. соч. С. 56—57.

⁴⁵ Там же. С. 177.

⁴⁶ Там же. С. 185.

⁴⁷ Там же. С. 45.

территории (*Staatsgebiet*) во имя общего интереса или общей воли воображаемого политического сообщества, отождествляемого с этой территорией»⁴⁸.

Государственная власть отличается от власти как таковой своей качественной и количественной мощью (силой, интенсивностью), что выражается в ее *публичности и суверенности*⁴⁹. Б. Джессоп дает следующее развернутое определение государственной власти: она «(1) выходит за пределы насилия, императивной координации и позитивного права, включая в себя мобилизацию и распределение денежных средств и кредитов и стратегическое использование информации, статистики и других видов знания; (2) зависит от способности мобилизовать активное согласие или пассивное соблюдение требований со стороны тех сил, которые находятся (или действуют) за пределами государства в его узком политико-правовом смысле; (3) включает усилия со стороны служащих государства по стратегической перебалансировке способов правления и управления для того, чтобы улучшить эффективность косвенного, так же как и прямого государственного вмешательства, включая применение власти на расстоянии от государства»⁵⁰.

Публичность государственной власти — это сложное отношение представительства⁵¹ и одновременно ее безличности. Благодаря безличности государственного аппарата обеспечиваются незаинтересованность государственной власти в вынесении решений, профессионализм в государственном управлении. В современном государстве «политическая система институционально и операционально оторвана от более широкого

⁴⁸ Там же. С. 113.

⁴⁹ Матузов Н. И. Публичная власть как объект научного анализа (вместо введения) // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности : монография / Н. И. Матузов и др. ; под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. Саратов, 2011. С. 16—17.

⁵⁰ Джессоп Б. Указ. соч. С. 333.

⁵¹ В литературе выделяется пять идеально-типических форм представительства: клиентелизм, корпоративизм, парламентаризм и *raison d'etat* (предельный случай вмешательства без формальных каналов представительства. Он включает попытки легитимировать такое вмешательство через апелляцию к угрозам безопасности самого государства, общества или некоторого важного национального или общественного интереса). — Там же. С. 135—138.

общества и государство принимает форму деперсонифицированной власти, которая отделена от тех, кто использует власть от имени государства, и на более поздней стадии от партий или политических альянсов, время от времени формирующих правительство»⁵².

Суверенность государственной власти вместе с дисциплиной и управленческим руководством выступает основой поля власти с XIX в. Суверенитет, утверждал М. Фуко, — это «существующий механизм власти»⁵³, отправление высшей власти в пределах определенной территории и в отношении населения государства в целях, как предполагалось со времен Платона и Аристотеля, обеспечения всеобщего блага. Сегодня очевидно, что понятие суверенитета не может быть универсальным и его следует понимать, на чем настаивает М. Дин, «в исторической изменчивости в соответствии со специфическими режимами практик и форм рациональности»⁵⁴. В связи с процессами глобализации, постиндустриализации и постмодернизации происходит трансформация суверенитета (включая и теорию суверенитета). Суверенитет как верховенство субъекта — носителя высших прерогатив, обладающего правом принятия наиболее важных решений на определенной территории и в отношении определенного населения, — и независимость, включая признание таковой со стороны других государств, наполняется новым содержанием в (пост)классическую эпоху⁵⁵.

Трансформация классического определения суверенитета, хотя и многоликого, «ускользающего» понятия⁵⁶, включающего

⁵² Там же. С. 64.

⁵³ Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975—1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб., 2005. С. 53.

⁵⁴ Дин М. Указ. соч. С. 271.

⁵⁵ По мнению М. В. Ильина, «власть территориального государства» привычнее всего именуется суверенитетом. — Ильин М. В. Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация понятий и практик : монография / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. сравнит. политологии ; под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М., 2008. С. 33.

⁵⁶ «Многих озадачивает многоликость “ускользающего понятия суверенитета” (*elusive concept of sovereignty*), — утверждает М. В. Ильин, — или его понятийная многосоставность. Дело в том, что слово суверенитет выражает разные омонимичные (“одноименные”) понятия, сосуществующие в рамках понятийной категории». — Там же. С. 34.

как минимум четыре модуса бытия⁵⁷, в (пост)новейшее время антропологизируется (наполняется «человекоразмерностью»), детрансцендируется, наполняется практико-дискурсивным содержанием, что во многом связано с признанием прав человека высшей ценностью.

«Суверенитет эпохи современности, — пишут М. Хартд и А. Негри, — по сути своей основывается на *трансценденции* суверена — будь-то Государь, государство, нация или даже Народ, — над обществом. Гоббс предложил осязаемую метафору суверенитета, утвердившуюся во всей общественно-политической мысли современности, — Левиафана, возвышающегося над обществом и массами»⁵⁸. Однако сегодня происходит переход «от понятия “суверенитета” (абсолютной формы суверенитета, выраженной в воле и личности Государя) к “власти правительства” (форме суверенитета, характеризуемой децентрализацией экономики власти и управления движением товаров и населения). <...> Суверенитет становится виртуальным (но от этого не менее реальным) и актуализируется везде и повсюду через проявления дисциплины»⁵⁹.

Но более важно другое: суверенитет как характеристика государственной власти наполняется «человекоразмерностью» и становится подчиненным, в определенном смысле, суверенитету личности. Это обусловлено, в частности, отказом от эссенциальности коллективных социальных образований — государства, народа, малой группы и т. д.⁶⁰

⁵⁷ Таковыми выступают: 1) суверенитет взаимозависимости — способность государств контролировать движения через свои границы; 2) внутренний суверенитет — внутренние полномочия государственных структур и способность эффективно влиять на поведение населения, а также уровень фактического контроля; 3) вестфальский суверенитет, или «суверенитет по Ваттелю», — исключение внешних источников власти как *de jure*, так и *de facto* (в рамках собственных границ государство имеет монополию на принятие решений, а на международном уровне это означает принцип невмешательства во внутренние дела других государств); 4) международный юридический суверенитет — взаимное признание государств. — Там же. С. 34—35.

⁵⁸ Хартд М., Негри А. Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М., 2004. С. 303.

⁵⁹ Там же. С. 305, 307.

⁶⁰ «Нет такой вещи, как общество, а есть отдельные мужчины, женщины и их семьи», — заявила в свое время М. Тэтчер. — Урри Д. Социология за пределами обществ : Виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М., 2012. С. 15. (Социальная теория).

Многие отечественные юристы, социологи и политологи сегодня пишут о *суверенитете личности*⁶¹. Оригинальный вариант коммуникативного взаимодополнения суверенитета государства и суверенитета личности предлагает А. В. Поляков: «...поскольку государство само состоит из субъектов права, то его полномочия не могут (исходя из идеи права) затрагивать самоидентичность этих субъектов и вторгаться в зону их собственной правосубъектности (определяемой не государством, а самим онтологическим устройством субъекта). Отсюда можно сделать вывод, что понятие суверенитета, узурпированное государством, на деле должно означать лишь дееспособность любого субъекта права и запрет на любое произвольное вмешательство в эту сферу»⁶².

«Государство *суверенно* постольку, — пишет ученый, — поскольку никто не может ограничивать право государства самостоятельно решать вопросы, связанные с его правосубъектностью, с правом самостоятельно взаимодействовать с другими государствами, не нарушая их прав и свобод. Государство не имеет права действовать иным образом, т. е. нарушать права и свободы других субъектов международно-правовой коммуникации, как раз в силу своей суверенности, которая и обеспечивает свободное исполнение своих обязанностей.

Таким образом, если мы рассматриваем понятие государственного суверенитета как юридическое понятие, то мы неизбежно должны прийти к выводу о том, что понятие суверенитета сводится к понятию правосубъектности, означая имманентное (естественное) право любого государства на существование, развитие и возможность действовать в собственных интересах, но не нарушая интересов и прав других государств. <...> Суверен — это тот, кто может самостоятельно принимать решения в пределах своей

⁶¹ См.: Матузов Н. И. К вопросу о суверенитете личности // Правоведение. 1994. № 4. С. 3—14; Ильин М. В. Собираение и разделение суверенитета // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 144—147; Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права : учеб. пособие для студентов вузов. Ростов н/Д., 2001. С. 6—7; Горбунов А. С. Проблема суверенитета личности в обществе массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 1. С. 40—46; Усалко О. В. Формирование суверенитета личности как условие демократии в России : автореф. дис... канд. полит. наук. Волгоград, 2001. 23 с.

⁶² Поляков А. В. Права человека и суверенитет государства // Постклассическая онтология права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 309—310. (Толкование источников права).

компетенции, в пределах своих полномочий. Но субъекты обладают как общими субъектными полномочиями и обязанностями, так и отличными друг от друга, в связи с различиями между субъектами. Уже этим определяется возможность существования субъектов с разными полномочиями, часть из которых релевантна друг другу. Иерархия суверенитетов в государстве заканчивается государственным суверенитетом как способностью определять права и обязанности всех субъектов права на своей территории, исключая зону их суверенной правосубъектности (право принадлежать самому себе — в отношении первичных субъектов) и свободно реализовывать свою правосубъектность во внешних взаимоотношениях»⁶³.

«Укрепление государственного суверенитета, — заключает А. В. Поляков, — (в коммуникативном смысле) зависит, в конечном счете, от укрепления суверенитета личности и именно суверенитет личности является основой государственного суверенитета»⁶⁴.

Полагаю, что именно такой — диалогичный — подход позволяет связать суверенитет государства как его правосубъектность над определенной территорией и населением и одновременно его ограниченность правосубъектностью человека. О том, как именно должна быть организована такая ограниченность государственного суверенитета в соответствии с автономией личности, речь пойдет в последнем разделе учебного пособия.

Реалистично предположить, что фактически суверенитет выражается в принятии наиболее значимых решений, а этот процесс происходит в борьбе основных социальных сил (групп) за право официальной номинации, категоризации и квалификации социальных явлений как правовых, в чем заключается содержание правовой политики, и прежде всего — в полномочии на объявление чрезвычайного положения (К. Шмитт).

От имени прав человека, прикрываясь фикцией народного суверенитета, трансформированного в суверенитет личности, власть, манипулирующая общественным мнением, принимает верховные решения. Универсализация прав человека (суверенитета личности) — это механизм господства «партикулярной» социальной группы, выдающей свои интересы за всеобщие. Сувере-

⁶³ Там же. С. 313.

⁶⁴ Там же. С. 319.

нитет, в таком случае — это конструкт власти, включая конструирование субъективности, а социализация — можно согласиться с мнением М. Хардта и А. Негри — это принуждение, обеспечивающее капиталистическое господство⁶⁵.

Приходится констатировать, что объявление суверенитета личности источником самоограничения государства сопровождается, как это ни парадоксально, расширением влияния власти (не обязательно государственной) в обществе под прикрытием необходимости защиты прав человека. Суверенитет, по мнению М. Фуко, «накладывая теорию права на механизмы дисциплины», тем самым скрывает свои действительные методы. Но одновременно суверенитет с помощью господства гарантирует каждому реализацию собственных суверенных прав⁶⁶.

Концепт «государство» определяется и объясняется с помощью понятий *цель* и *интерес государства*, образующих содержание «государственного проекта». «Государственный проект, — пишет Б. Джессоп, — означает политические воображения, проекты и практики, которые (1) определяют и регулируют границы государственной системы по отношению к более широкому обществу и (2) стремятся придать демаркированному таким образом государственному аппарату достаточное внутреннее содержательное операциональное единство, для того чтобы он был способен выполнять свои исконные или вновь заявленные “социально призванные” задачи»⁶⁷. Он, ко всему прочему (включая обеспечение идеологического единства), призван навязать «аппаратное единство» государственным органам⁶⁸.

Цель, или назначение, государства в самом общем плане состоит в обеспечении безопасности организуемого им общества и управлении им. Цель государства конкретизируется в его функциях (об этом см. ниже) и интересах государства. Так как государства — исторические образования, считает М. Дин, поэтому

⁶⁵ Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 308—309. В другом месте они пишут: «Биовласть является такой формой власти, которая регулирует общественную жизнь изнутри, следуя ей, интерпретируя, поглощая и заново артикулируя ее, власть может достичь действительного контроля над всей жизнью общества только тогда, когда она становится неотъемлемой, жизненной функцией, которую каждый индивид принимает и выполняет по собственному согласию». — Там же. С. 36.

⁶⁶ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 56.

⁶⁷ Джессоп Б. Указ. соч. С. 176.

⁶⁸ Там же. С. 180.

«государственный интерес связан с “отстаиванием” государства. Иными словами, государственный интерес основан на проблеме безопасности государства — проблеме, которая не исчезнет даже при либеральной проблематизации границ управления»⁶⁹.

Проблема экспликации государственных интересов состоит в том, что в идеале они производны от интересов общества, точнее, населения, образующего данный социум, а интересы общества всегда аморфны⁷⁰ и плюралистичны. С другой стороны, реалистичный взгляд на вещи убеждает, что идеал государственной рациональной бюрократии М. Вебера, принимающей беспристрастные решения на основе «законодательствующего Разума», остался в далеком прошлом. Как утверждает Э. де Ясаи, «в любом обществе, где отсутствует полное единогласие и существует плюрализм интересов, государство, сколь угодно стговорчивое, не может преследовать иные цели, нежели свои собственные»⁷¹. «Ввиду необходимости взвешивания индивидуальных целей — поскольку нет другого способа слить их в единую величину, максимизируемый индекс — государство должно, несмотря на весь свой альтруизм и беспристрастность, трансформировать цели своих подданных, соединяя их в собственную цель, потому что выбор весов, применяемых к целям каждого индивида, не принадлежит никому, кроме государства. Существует ни на чем не основанная вера в то, что при демократии государство веса не выбирает, потому что они заданы, встроены в некое правило, которому государство не может не следовать, пока оно остается демократическим. Типичным правилом такого рода является правило “один человек — один голос”, которое присваивает единичный вес каждому избирателю, нравится он государству или нет. Ошибочность этой веры заключается в переходе от голосов к целям, к максимизируемым величинам. Неявное предположение о том, что голос, поданный за политическую программу или за группу людей, является приблизительно тем же самым, что и выражение целей из-

⁶⁹ Дин М. Указ. соч. С. 237.

⁷⁰ В этой связи вспоминается глубокая мысль П. Бурдьё о том, что «общественного мнения не существует» как некой объективной данности: оно конструируется множеством центров власти, в первую очередь государственной властью. Подробнее об этом см. ниже.

⁷¹ Ясаи Э. де. Государство / пер. с англ. Г. Покатовича под ред. Ю. Кузнецова. М., 2008. С. 19. (Серия «Политическая наука»).

бирателя, необоснованно. Наличие социального механизма (такого, как выборы) для выбора одной из жестко ограниченного множества альтернатив (таких, как состав правительства) не должно трактоваться как доказательство того, что существует, в общенациональном смысле, “общественный выбор”, в котором общество максимизирует свои совокупные цели»⁷².

«При любых обстоятельствах, — пишет известный социальный философ, — есть общая причина считать общественный выбор надуманным понятием. Она заключается в том, что, хотя большинство, лидеры, закрытые собрания членов партии, правительство могут делать выбор за общество (кроме случаев единодушного плебисцита по поводу простых непосредственных альтернатив), само общество делать выбор не может. Невозможно приписать никакого функционального смысла утверждению вроде “общество выбрало некое распределение ресурсов”. Не существует способа удостовериться, действительно ли “общество” предпочло рассматриваемое распределение, как и механизма, с помощью которого оно выбрало бы то, что оно, как предполагается, предпочитает. Всегда можно прийти к некоему сомнительному соглашению, согласно которому определенные реальные решения, принимаемые за общество, будут называться “общественным выбором”, если, например, они принимаются с помощью государственного механизма, наделенного властью посредством получения большинства голосов. Такое соглашение приведет к созданию надуманного понятия, использование которого не может не исказить дальнейшие рассуждения»⁷³.

Исчисление и сравнение интересов, которые якобы агрегирует государство, — серьезнейшая проблема, с которой не в состоянии справиться теория рационального общественного выбора. «Интерес — это замаскированная сравнительная категория. Расчет интересов действующего лица зависит от сравнительного преимущества в конкретных контекстах, а не от абсолютного преимущества независимо от его осуществимости. Интересы должны соотноситься со структурными ограничениями и конъюнктурными возможностями в данных обстоятельствах и потенциальными балансами между различными множествами интересов в различных

⁷² Там же. С. 93.

⁷³ Там же. С. 298—299.

пространственно-временных горизонтах. <...> Во-первых, объективные интересы должны соотноситься с конкретной субъективностью (чувством идентичности) индивида или коллективного актора, занимающего определенное место в данных обстоятельствах, потому, что в данной ситуации идеальные и материальные интересы меняются вместе с идентичностью актора. В то же время как идеальные интересы связаны с потусторонними заботами (такими как спасение) и символическими системами (такими как социальный статус), материальные интересы связаны с мирскими заботами и материальными преимуществами... Даже несмотря на субъективную идентичность в качестве точки отсчета, интересы объективно укоренены в общественных отношениях и системах ценностей, а не зависят целиком и полностью от восприятий субъекта. Это верно и для идеальных интересов в той мере, в какой они не являются чисто эксцентричными, уникальными или аморфными, но связаны с институционализированными структурами. Во-вторых, имеет место борьба за переопределение или рекомбинацию субъективных идентичностей и связанных с ними объективных интересов в различных контекстах. Она может включать в себя переупорядочивание приоритетности идентичностей, ранее принятых акторами, и попытки заставить их принять новые идентичности, которые часто будут нести с собой другие интересы»⁷⁴.

«Бескомпромиссный взгляд на межличностные сравнения, — утверждает Э. де Ясаи, — не оставляющий ни малейшего места политическому утилитаризму, заключается в том, что сложение тихого довольства одного мужчины с бурной радостью другого, вычитание слез одной женщины из улыбки другой — это *концептуальный* абсурд, который не только не выдерживает пристального рассмотрения, но, будучи сформулированным, рушится сам по себе. Если детей учат, что нельзя складывать яблоки с грушами, то как могут взрослые верить в то, что подобные операции, проделанные с аккуратностью и подкрепленные современными социальными исследованиями, могли бы служить в качестве руководства к желательному поведению государства, к тому, что по-прежнему ласково называется “общественным выбором”?»⁷⁵

⁷⁴ Джессоп Б. Указ. соч. С. 195—197.

⁷⁵ Ясаи Э. де. Указ. соч. С. 142.

Таким образом, делает вывод ученый, «успешная теория государства не должна испытывать необходимости опираться на произвольное допущение о том, что государство служит каким-то иным интересам, нежели его собственные. Она должна допускать объяснение роли государства в политической истории в терминах его интересов в их взаимодействии, конкуренции, конфликтах и адаптации к интересам других. <...> Они (интересы государства. — И. Ч.) не способствуют осуществлению никаких *разумных целей*, не удовлетворяют никаким явным *предпочтениям*, не несут государству никакого дополнительного *удовольствия*, кроме продления его срока пребывания у власти. Они просто сохраняют ему власть. Они используют власть, чтобы *воспроизводить* ее»⁷⁶. Поэтому «лакмусовой бумажки, позволяющей отделить государство, преследующее цели социальной справедливости, от государства, следующего “постидеологической”, “плюралистической” политике в пользу отдельных групп интересов, не существует»⁷⁷.

Полагаю, можно согласиться с мнением Дж. Малгана, что «основной задачей власти является собственное воспроизводство посредством легитимации и завоевания доверия»⁷⁸. Такой пессимистичный вывод основан, в том числе, на том, что «общего блага» или «общественных интересов», коим должно служить государство, не существует как некой объективной данности. Конечно, каждому нормальному человеку хочется жить, причем по возмож-

⁷⁶ Там же. С. 344—345.

⁷⁷ Там же. С. 162. В другом месте он заявляет: «Я предлагаю принять в качестве критерия рациональности то, что оно стремится максимизировать свою дискреционную власть». — Там же. С. 348. «Тем не менее, по крайней мере, можно утверждать на основе дедукции, что только гарантия сохранения должности является *достаточным* условием для того, чтобы государственный бюрократ, менеджер корпорации или другой нанятый представитель властной элиты осуществлял дискреционную власть регулярно, при этом вступая в серьезный конфликт с интересами владельца. Следствием этой гарантии сохранения должности является то, что при *делегировании* контроля собственник некоторым образом отдал его навсегда и потерял возможность отзыва, т. е. *лишился* контроля». — Там же.

⁷⁸ Малган Дж. Искусство государственной стратегии : Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. ред. Я. Охонько. М., 2011. С. 25. В другом месте он пишет: конечная цель «любого государства — обеспечение его легитимности». — Там же. С. 126.

ности хорошо жить. Уместно даже предположить, что общим местом (общественным мнением) является стремление к процветанию своего общества, а для некоторых — человечества в целом⁷⁹. Но в представлениях большинства населения, из которых и складывается общественное мнение, отсутствует четкая позиция относительно того, как можно достичь такого процветания (например, на основе монетаристской рыночной экономики или социал-демократических программ). В то же время в силу сложной структурированности подавляющего большинства современных социумов представления об общественном идеале и его достижимости в одних социальных группах никогда не будут совпадать с мнением, сформированном в других группах. Поэтому следует согласиться с выводом П. Бурдьё, сделанным еще в 1972 г., что «общественного мнения не существует» (вне опросов общественного мнения), это «императив, получаемый исключительно путем сложения индивидуальных мнений» или «нечто вроде среднего арифметического или среднего мнения»⁸⁰. Общественное мнение, как доказывал своими исследованиями французский социолог, не есть некая «объективная данность», оно формируется и навязывается властью (в широком смысле, включая прежде всего СМИ, референтные группы). Вместо общественного мнения есть, «с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные и группы давления, мобилизованные вокруг системы в явном виде сформулированных *интересов*, и с другой стороны — предрасположенности, которые по определению не есть мнение, если под этим понимать, как я это делал на протяжении всего анализа, то, что может быть сформулировано в виде высказывания с некой претензией на связности»⁸¹.

Общее благо и общественные интересы — это фикции, используемые властью (властными социальными группами) как ставки в политической борьбе за право официальной номинации социального и юридического мира. Они формируются властью и наделя-

⁷⁹ Хотя уже в этом последнем вопросе возникает искушение проводить различие «своего» общества и «чужого», если «свое» относится к «золотому миллиарду», так как процветание одних сегодня невозможно вместе со всем человечеством в целом, в том числе из-за перенаселения земного шара.

⁸⁰ Бурдьё П. Общественное мнение не существует // Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М., 1993. С. 163.

⁸¹ Там же. С. 177.

ются конкретным содержанием (при демократическом политическом режиме) в процессе демократической делиберации или демократического оспаривания политических решений.

Исходя из вышеизложенного, приходится констатировать, что государственный интерес — это результат борьбы социальных сил, институционализированных в официальных властных решениях органов государственной власти по универсализации собственного представления о благе (собственного интереса как всеобщего, универсального или общего блага). Нельзя не согласиться с Б. Джессопом, что «общественные силы стремятся сделать то или иное воображение гегемонистским или господствующим “фреймом” в конкретных контекстах или продвигать дополнительные либо оппозиционные воображения»⁸². В то же время, хотя бы в целях самосохранения, государственная власть не может не удовлетворять базовые условия выживания общества, которое она — власть — организует в политико-правовом аспекте. Эти базовые условия выражаются в функциях государства. Будет ли при этом достигнуто «всеобщее благо» (в существовании которого сегодня легко усомниться в силу кардинального различия множества интересов в сложноструктурированном постсовременном социуме), зависит от самих людей, от того, как они смогут направлять и контролировать государственную власть.

3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Государство в постклассической интерпретации предстает в его процессуальном измерении как деятельность по управлению обществом. Одновременно такая деятельность представляет собой реализацию функций — задач, которые власть ставит перед государством. В практиках управления, по мнению М. Дина, можно выделить четыре аспекта. Первый аспект — онтология того, на что мы стремимся воздействовать: управляемая субстанция. Второй аспект — аскетика, посвященная тому, как мы управляем этой субстанцией, работе управления. Третий аспект — деонтология: кем мы являемся, когда нами так

⁸² Джессоп Б. Указ. соч. С. 234.

управляют, наш «модус субъективации», подвергаемый управлению. Четвертый аспект — телеология: почему мы управляем или управляемы, преследуемые цели или задачи, чем мы надеемся стать или какой мир создать, то, что можно назвать телосом управленческих практик⁸³.

Управление как назначение государственной власти проходит достаточно длинную историю эволюции. Ее можно конспективно наметить как движение от управления вещами и людьми к управлению процессами и — в эпоху постсовременности — к неолиберальному метауправлению на основе автономии и свободы управляемых. Траектория такой эволюции начинается с «пастырской власти» как заботе о пастве, имеющей христианские основания. Пастырь отвечает за действия каждого. Ключевым элементом поведения является «чистое послушание» как со стороны паствы, так и со стороны самого пастыря. Одновременно пастырю требуется всестороннее индивидуализированное знание о каждом члене стада⁸⁴. В XVII—XVIII вв. формируется теория государственного интереса и полиции как внутреннего государственного управления. М. Фуко следующим образом формулирует основные черты государственного интереса: это управление, отсылающее только к разуму; это искусство управления, требующее учитывать объект управления; цель государственного интереса — укрепить само государство, его силу, величие и благополучие; это искусство управления предполагает определенный тип знания — политическую арифметику и статистику как «экспертизу» политического⁸⁵. Эти идеи воплощаются в теории и практике полиции как «условии порядка в сообществе и условии декретов, которые стремились установить и поддерживать этот порядок в статутном праве Германии в XV—XVII веках. <...> Когда в XVII—XVIII веках складывалась наука о полиции, она была ориентирована на содержание этого порядка и потому сделала предметом теоретизирования особые условия его учреждения и поддержания. Эта наука пришла к оценке це-

⁸³ Дин М. Указ. соч. С. 89—90.

⁸⁴ Там же. С. 212—213, 221—226.

⁸⁵ Там же. С. 235—236 ; Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления. Интервью. Ч. 1 / пер. с фр. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М., 2002. С. 366—367. (Новая наука политики).

лей государства и надлежащей формы государственной активности»⁸⁶. Задачи полиции, по мнению М. Фуко, включали: управление населением как полезным ресурсом, обеспечение жизненных потребностей зерновой полицией, здоровья, в особенности в условиях нового городского пространства, отношение между занятиями людей и ростом государственных сил, обращение товаров, людей и их отношений — в материальном плане и как элементов регулирования⁸⁷.

Приход либерализма в конце XVIII—XIX в. знаменует становление биополитики как нового способа государственного управления. Биополитика — это политика, занятая управлением жизнью, в особенности на уровне населения. Она занята управлением процессами и эволюцией жизни и управлением посредством их⁸⁸. Одним из механизмов биополитики является политико-правовая классификация населения на группы, что приводит к «открытию в населении преступных и опасных классов, слабоумных и идиотов, гомосексуалистов и дегенератов, нетрудоспособных и ненормальных, а также к попыткам не допустить, ограничить или устранить их»⁸⁹.

Либерализм в XX в. трансформируется сначала в теорию и практику государств всеобщего благоденствия, а затем в неолиберализм как поиск выхода из кризиса велфаристской политики. Главными проблемами государства всеобщего благосостояния были признаны его чрезмерные расходы, негибкость, бюрократия и как следствие — его неэффективность и утрата легитимности. Решение проблемы неолиберализм как господствующая доктрина и практика государственного управления конца XX—начала XXI в. видит в конструировании «квази», или «искусственных», рынков, благодаря которым «либеральное управление стремится не только работать посредством разных форм свободы и агентности индивидов и коллективов, но и применять непрямые средства надзора и регулирования агентности»⁹⁰. Развитые либеральные

⁸⁶ Дин М. Указ. соч. С. 243.

⁸⁷ Фуко М. Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / пер. с фр. Н. В. Суслова и др. СПб., 2011. С. 418—422.

⁸⁸ Дин. М. Указ. соч. С. 258—262.

⁸⁹ Там же. С. 261.

⁹⁰ Там же. С. 362.

практики государственного управления квалифицируются как рефлексивные, поскольку ориентированы на новые информационные технологии управления и на механизмы самоуправления. Такое управление, отчасти перекладывающее ответственность на самоуправление, является «клиентоцентричным»⁹¹, что не отменяет политику формирования потребностей, свойственную консюмеризму государства всеобщего благосостояния. Так, само государственное управление трактуется как «предоставление услуг», ориентированных на потребителя, его выбор. Тем самым, как утверждает сторонниками неолиберализма и правительности (последователями фукианских идей), государственное управление ориентируется на автономию людей, на использование их активности. При этом, как подчеркивают постструктуралисты, неолиберальное «сокращение государства» превращается в расширение государственного управления с помощью новой формы — «управления на расстоянии». Оно предполагает возникновение социальных технологий, делегирующих ответственность за индивидов негосударственным автономным образованиям: предприятиям, общинам, профессиональным организациям, самим индивидам. Такая передача ответственности управленческим действиям на расстоянии становится возможной при использовании контрактных соглашений, определенных по целям и показателям эффективности, в соединении с локальной автономией. В этой перспективе «индивиды должны превратиться в “экспертов самих себя”, начать практиковать культурную и просвещенную заботу о себе в отношении своего тела, своего сознания, своих форм поведения, а также тел, сознаний и форм поведения»⁹².

⁹¹ «Многие недавние реформы, — пишет Дж. Малган, — основываются на одной простой, но потенциально революционной идее о верховенстве индивидуального опыта человека в определении круга и характера получаемых им услуг. Например, выделение персональных бюджетов позволяет инвалидам контролировать соответствие расходов их личным потребностям. Такая практика переворачивает с ног на голову допущения, на которых основывались многие распространенные в XX в. услуги, связывая между собой непосредственную возможность распоряжаться деньгами, новые платформы (позволяющие продемонстрировать людям, что они могли бы приобрести на доступные им средства) и новые структуры, ответственные за советы и консультации». — Малган Дж. Указ. соч. С. 110.

⁹² Barry A., Osborne T., Rose N. Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism, and the Rationalities of Government. London, 1996. P. 59.

Индивиды становятся «предпринимателями себя», и как таковые объединяются в общество силой решений, которые принимают, рисков, на которые идут, и той ответственности за себя и других, которая отсюда проистекает и которую они обязаны брать на себя. Вследствие этого роль гражданина перестает исполняться в рамках отношений с государством или в публичном пространстве (таковое становится вообще сложно выделить), скорее, она отправляется в рамках самых различных частных, корпоративных или квазипубличных практик, начиная с работы и заканчивая потреблением. «Гражданин-потребитель становится активным агентом безопасности, гражданин-работник становится активным агентом модернизации промышленности»⁹³. Главное то, что такого рода автономия призвана сделать нас агентами системы⁹⁴.

Реформа государственного управления в конце XX—начале XXI в. в структурной области свелась к тому, что «государственные ведомства были преобразованы в независимые коммерческие компании (корпоратизированы), а затем приватизированы. Некоторые из них превратились в самостоятельные исполнительные агентства. Руководствовавшиеся устанавливаемыми государством количественными показателями, но державшиеся несколько в стороне от других органов власти. Исполнение функций государственных институтов в тех областях, в которых правительство, как предполагалось, не имело никаких сравнительных преимуществ, было передано коммерческим компаниям. Имеются в виду такие сферы, как промышленное и гражданское строительство, уборка улиц и даже экономическое консультирование. Претерпел изменение и порядок финансирования некоторых функций (в рамках государственных финансовых инициатив и государственно-частных партнерств). Во многих случаях государству и обществу удалось добиться значительных успехов. Но нередко издержки, связанные с осуществлением перечисленных выше функций, оказывались слишком высокими в отсутствие сколько-нибудь заметного роста качества»⁹⁵.

В самом деле, навязывание жестких критериев государственного управления, например в школах или вузах, может привести к крайне негативным последствиям. «Представим себе, напри-

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Малган Дж. Указ. соч. С. 100—101.

мер, — пишет Ф. Петтит, — что может произойти, если от учителей будут требовать записей и отчетов о каждом часе их жизни, если они будут находиться под постоянным давлением формальных показателей, если им не будут позволены незначительные отступления или вообще запрещены отступления в учебном плане, процессе воспитания или других вещах, и если им придется жить под подозрением, что они лентяи, до тех пор пока они не докажут своей высокой производительности»⁹⁶. Однако полный перевод государственных учреждений на автономную форму самоуправления чреват издержками бесконтрольности.

В конце XX в. изменились также критерии измерения эффективности государственного управления — от принципа освоения выделенных ресурсов к ориентации на результат, который оценивается потребителем государственных услуг (в широком смысле этого слова). «Широкое распространение, — пишет Дж. Малган, — получили методы управления производительностью (в частности, в США в 1993 г. был принят специальный Закон о результатах и эффективности правительства), что позволило добиться снижения коррупции, повышения продуктивности и усовершенствования процессов принятия решений. В принципе, основная цель всех этих и многих других форм “управления, ориентированного на результат” состояла в том, чтобы связать бюджетные ассигнования и полученные результаты. В начале 2000-х гг. в 47 штатах США были введены особые требования к бюджетированию, ориентированному на результаты, а в 31 штате они были оформлены законодательно. Лежащая в их основе идея о том, что государственные органы должны иметь больше стимулов к повышению результатов деятельности, представляется полностью оправданной»⁹⁷.

На первый взгляд такой подход не может не приветствоваться. Однако, как с сожалением констатирует бывший консультант правительства Великобритании и некоторых других государств Дж. Малган, «в целом во многих странах результаты реформ в рамках стратегии “нового государственного управления” не оправдали возлагавшихся на них надежд... Одним из факторов

⁹⁶ Петтит Ф. Республанизм : Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева. М., 2016. С. 431.

⁹⁷ Там же. С. 102.

явилась доказавшая свою сложность техническая сторона дела. Например, до сих пор отсутствует система бюджетирования, которая действительно бы побуждала к высокой производительности. Ведь на практике все зависит от того, что считать положительным итогом. Чтобы понять, почему та или иная задача была решена или, наоборот, почему цель не была достигнута, необходимо выявить причины, обусловившие полученные результаты. Причины же эти могут быть самыми разными, от недостатка средств до неправильного выбора временных рамок, от характера политики до дееспособности ответственных за решение задач институтов. Не менее трудным является понимание того, что следует делать в случае, когда правительству не удалось достичь поставленных целей: увеличить финансирование, сократить его или сохранить прежние объемы»⁹⁸.

Постсовременный мир в конце XX—начале XXI в. вступил в эпоху «текущей современности» (по терминологии З. Баумана). Поэтому главной проблемой государственного управления в постсовременном мире является ситуация перманентной *неопределенности и риска*. Об этом достаточно обстоятельно пишет в своих нескольких фундаментальных монографиях И. В. Понкин, полагая неопределенность «неотъемлемой частью процесса принятия решений в рамках и в процессе государственного управления»⁹⁹. Полностью соглашусь с его утверждением, что главной причиной (источником) такой неопределенности является ограниченность человеческих возможностей охватить «все многообразие референтных факторов, точек бифуркации и возможных сценариев в государственном управлении...»¹⁰⁰. Такой же данностью в государственном управлении, по его мнению, являются и риски как «следствие энтропийной актуализации неопределенностей»¹⁰¹, которые, по мнению московского ученого, являются «сплавом вероятности и негативных последствий наступления неблагоприятного события»¹⁰².

⁹⁸ Там же. С. 103.

⁹⁹ Понкин И. В. Теория публичного управления : учеб. для магистратуры и программ Master of Public Administration. М., 2017. С. 460. (Государственное и муниципальное управление).

¹⁰⁰ Там же. С. 460—461.

¹⁰¹ Там же. С. 466.

¹⁰² Там же. С. 455.

«Мировое общество риска... — пишет автор одноименной концепции У. Бек, — является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся жизни не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания»¹⁰³. В ситуации «онтологической неопределенности» только страх перед глобальным и перманентным риском «может породить глобальный консенсус, который создаст глобальную власть. То, что эта власть консенсуса глобального легитимного господства, отводящая опасности, угрожающие человечеству, имеет крайне амбивалентные последствия, заложено в природе политического»¹⁰⁴. В результате на «место демократического консенсуса того или иного народа вступает консенсус человечества, однако без демократической легитимации и даже без возможности ее осуществления»¹⁰⁵.

Риск связан с неопределенностью, которую известнейший экономист Д. Норт определяет следующим образом: «а. Статическая неопределенность. В каждый момент времени существуют состояния мира, в которых распределение вероятностей не может быть определено. В статичном мире неопределенность зависит от объема знания. Если бы индивиды обладали совершенным пониманием, то не было бы никакой нужды в институтах даже в условиях неопределенности. Если бы такой статичный мир повторялся во времени, то вполне можно предположить, что состояния неопределенности стремились бы к нулю.

б. Неопределенность в эргодическом мире. Единственное различие со статическим миром может состоять в том, что состояния неопределенности генерируются случайным образом. Соответственно, с течением времени всегда может оставаться некоторый остаточный уровень неопределенности.

в. Неопределенность в неэргодическом мире. Систематические отношения могут меняться с течением времени непредсказуемым образом. Следовательно, могут возникать новые, фундаментально отличные типы неопределенностей. Даже если агенты обладают

¹⁰³ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма : Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Б. Григорьева и В. Д. Седельника ; послесл. В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. М., 2007. С. 153. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). «Риски не вещи. Это социальные конструкции, в которых ключевую роль играют не только знания экспертов, но и культурные оценки и символы». — Там же. С. 156.

¹⁰⁴ Там же. С. 334.

¹⁰⁵ Там же. С. 335.

совершенным пониманием в один момент времени заданной истории мира, их действия могут оказаться ошибочными в другой момент. Соответственно, постоянно возникают новые уровни неопределенности. В каком-то смысле с течением времени ценность знания теряется»¹⁰⁶.

«Хотя неопределенность, которая пронизывает наше существование, может быть уменьшена при помощи наложенных нами структур (структуры ограничений, которые мы накладываем для упорядочивания конкуренции и для определения правил игры. — *И. Ч.*), полностью устранить ее невозможно», — утверждает Д. Норт¹⁰⁷.

Для различия между риском и неопределенностью, полагает Д. Норт, уместно использовать точку зрения, изложенную Фрэнком Найтом в классическом исследовании, опубликованном в 1921 г. «Для Найта риск являлся состоянием, в котором имеется возможность получить распределение вероятностей исходов таким образом, чтобы застраховать их. Неопределенность, согласно Найту, была состоянием, в котором такого распределения возможностей не существует, писали видные теоретики, такие как Кеннет Эрроу и Роберт Лукас, строить теории в условиях неопределенности было невозможно»¹⁰⁸.

Адекватной реакцией на осознание перманентности неопределенности, по мнению неоинституционалистов, является создание «рациональных институтов». «Убеждения и институты, создаваемые людьми, — пишет Д. Норт, — имеют смысл лишь в качестве непрерывной реакции на различные уровни неопределенности, с которыми мы сталкиваемся в рамках динамически развивающегося физического и социального ландшафта. Несмотря на то что фундаментальная причина создания институтов связана с попыткой людей структурировать окружающую среду для того, чтобы сделать ее более предсказуемой, соответствующие попытки могут и зачастую действительно приводят к увеличению неопределенности для некоторых игроков. Развитие формального права собственности, к примеру, делает общий уровень окружающей социальной среды более предсказуемым, однако увеличит неопределенность для тех, кто традиционно использовал ничейную землю, не обладая конкретными правами на нее»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М., 2010. С. 40. (Экономическая теория).

¹⁰⁷ Там же. С. 14.

¹⁰⁸ Там же. С. 27.

¹⁰⁹ Там же. С. 29.

В то же время Д. Норт вынужден констатировать, что «огромная доля экономических изменений представляет собой непредвиденные последствия институциональных изменений, что является отражением значительного разрыва между намерениями и результатами, вызванного наличием “ошибочных” представлений. Их ошибочность может заключаться не только в неверном понимании ситуации, но и в том, что изменившаяся институциональная структура не влечет за собой замышлявшихся изменений поведения»¹¹⁰.

Проблема риска в государственном управлении состоит в том, что «ничто само по себе не является риском, — писал Ф. Эвальд, последователь М. Фуко, — в реальности нет никакого риска. Но при этом все что угодно может быть риском; все зависит от того, как анализируется опасность, как рассматривается событие»¹¹¹. «Риск, — продолжает эту мысль М. Дин, — это способ или, скорее, набор способов упорядочивания реальности, придания ей исчислимой формы. Это способ такой репрезентации событий, при которой они становятся доступными управлению при помощи конкретных способов, техник и целей»¹¹².

В то же время, как утверждает У. Бек, «четыре опоры вычисления рисков» — компенсация, ограничение, безопасность и вычисление — в эпоху «общества риска» не имеют объективного количественного измерения. Такие события, как Чернобыльская авария, или опасности, сопряженные с разрушением озонового слоя, не поддаются денежной компенсации, поскольку ущерб от них неограничен. Не может быть никакой защиты от рисков, поскольку невозможно спланировать последствия фатальных опасностей наихудших представимых бедствий. Наконец, не может быть и никаких стандартов нормального состояния для процедур, измеряющих риски. По мнению У. Бека, такого рода вычисления становятся запутыванием»¹¹³.

Постсовременное государство наделяется новой функцией (или новым содержанием функций) государственной власти (или властей) — метауправлением: «Государственные власти обеспе-

¹¹⁰ Там же. С. 212.

¹¹¹ Ewald F. Insurance and Risk // *The Foucault Effect: Studies in Governmentality* / ed. by G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. London, 1991. P. 199.

¹¹² Дин М. Указ. соч. С. 419.

¹¹³ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // *THESIS*. 1994. Вып. 5. С. 166.

чивают основные правила для управления и регулятивный порядок, посредством которого партнеры по управлению могут достигать своих целей. Они гарантируют совместимость или связность различных механизмов и режимов управления. Они создают форумы для диалога или действуют как главные организаторы диалога между сообществами, вырабатывающими политический курс. Они используют относительную монополию организационных знаний и информации для того, чтобы формировать когнитивные ожидания. Они служат апелляционным судом для споров, возникающих в рамках управления и по поводу него. Они стремятся уравновесить разницу в могуществе и стратегический уклон режимов, укрепляя более слабые силы или системы в интересах системной интеграции и социальной сплоченности. Они пытаются изменить самосознание идентичностей, стратегических возможностей, интересов индивидов и коллективных акторов в различных стратегических контекстах и поэтому меняют последствия этого осознания для предпочитаемых стратегий и тактик. Они организуют избыточность и дублирование для того, чтобы поддерживать устойчивость посредством требуемого разнообразия в ответ на неожиданные проблемы. Они предпринимают материальные и символические фланговые и поддерживающие меры для стабилизации форм координации, считающихся ценными, но подверженными опасности краха. Они субсидируют производство публичных благ. Они организуют побочные платежи для тех, кто жертвует ради облегчения эффективной координации. Они способствуют объединению кратко-, средне- и долгосрочных временных горизонтов и темпоральных ритмов среди различных мест, масштабов и акторов отчасти для того, чтобы предотвратить оппортунистический выход из механизмов управления и вход в них. И они также принимают политическую ответственность как адресаты в последней инстанции в случае фиаско управления в сферах, выходящих за пределы государства»¹¹⁴.

Функционирование постсовременного государства — использование мягких технологий сетевого информационного манипулирования общественным мнением. М. Кастельс утверждает: «...властные отношения основаны преимущественно на формировании человеческого сознания путем конструирования смысла через создание образа. <...> В современном обществе везде в мире

¹¹⁴ Джессоп Б. Указ. соч. С. 326—327.

именно медиа являются решающим средством коммуникации. <...> Медиаполитика — это проведение политики в и с помощью медиа. ...В существующем историческом контексте политика — это преимущественно медиаполитика. Сообщения, организации и лидеры, которые не представлены в медиа, не существуют в общественном сознании. Следовательно, только те, кто может передать свой месседж всем гражданам, имеют шанс влиять на их решения таким образом, который откроет им доступ к властным позициям в государстве и (или) позволит удерживать под контролем политические институты. <...> Тот факт, что политика, по существу, разворачивается в медиа, не означает, что другие факторы (например, активность рядовых членов общества или мошенничество) не имеют значения для результата политической борьбы. Как и не подразумевает, что медиа являются держателями власти. Они не являются четвертой властью. Они гораздо важнее: они являются пространством создания власти. Медиа конституируют пространство, в котором распределяются властные отношения между конкурирующими политическими и социальными акторами. Таким образом, почти все акторы и сообщения должны проходить через медиа, чтобы достичь своих целей. Они должны принимать правила медиасотрудничества, язык медиа, учитывать их интересы. Медиа в целом не являются нейтральными, как утверждает идеология профессионального журнализма, но они не являются и прямыми инструментами государственной власти, за очевидным исключением массмедиа в авторитарных режимах»¹¹⁵.

«Источники социальной власти в нашем мире — насилие и дискурс, принуждение и убеждение, политическое доминирование и культурное фреймирование — не претерпели, как показали некоторые из ведущих исследователей власти, фундаментальных изменений в ходе последнего исторического опыта человечества. Но область воздействия отношений власти изменилась в двух направлениях: она преимущественно конструируется вокруг мест соединения между глобальным и локальным и организуется преимущественно вокруг сетей, а не отдельных единств. Поскольку сети многочисленны, властные отношения будут специфичны для каждой сети. Но существует фундаментальная форма осуществления власти, которая является общей для всех сетей: исключение

¹¹⁵ Там же. С. 221—222.

из сети»¹¹⁶. Главный источник власти, по мнению испанского социолога, — «способность сетевого программирования, эта способность, в конечном счете, зависит от возможности порождать, распространять и влиять на дискурсы, которые фреймируют человеческую деятельность. Без этой дискурсивной возможности программирование конкретных сетей неустойчиво и зависит только от власти акторов, закреплённой в институтах. Дискурсы в нашем обществе формируют общественное мнение через одну определённую технологию: коммуникационные сети, организующие общественную коммуникацию»¹¹⁷.

Медиаполитика — это «определение ценностей, убеждений, установок, социального поведения и политического поведения (включая особенности голосования) для сегментов населения, различаемых по их демографическому и территориальному распределению»¹¹⁸. «Существует множество форм медиаполитики, но все они обладают двумя основными чертами: они нацелены на создание власти путем формирования общественного мнения, и они вносят свою лепту в кризис политической легитимности, сотрясающей институциональные основы наших обществ»¹¹⁹.

«Власть, — указывает М. Кастельс, — базируется на контроле за коммуникацией и информацией», хотя «власть больше чем коммуникация, а коммуникация больше чем власть»¹²⁰. Цифровые технологии, определяющие содержание коммуникативной революции, «приводят к образованию глобальных мультимедийных бизнес-сетей, характеризующихся либерализацией, приватизацией и упорядочиванием дерегулирования как на национальном, так и на международном уровне...»¹²¹ В результате резко возрастает «влияние корпораций в медиа, информационных и коммуникационных индустриях на общественно значимые институты, что может превратить коммуникационную революцию в сервис по обслуживанию бизнес-интересов. Влияние рекламной индустрии на медиабизнес путем трансформации людей в измеряемую аудито-

¹¹⁶ Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич под науч. ред. А. И. Черных. М., 2016. С. 68—69. (Переводные учебники ВШЭ).

¹¹⁷ Там же. С. 71.

¹¹⁸ Там же. С. 239.

¹¹⁹ Там же. С. 318.

¹²⁰ Там же. С. 20.

¹²¹ Там же. С. 76.

рию ведет к подчинению культурных инноваций или удовольствия от развлечения коммерческому потреблению. Свобода выражения и коммуникации в Интернете и в глобальных/локальных системах мультимедиа зачастую сокращается, оказываясь под наблюдением государственного аппарата, политических элит и идеологических/религиозных аппаратов»¹²². Таким образом, налицо амбивалентность оценки технологических изменений, влекущих социальные (включая политические) последствия. Как справедливо замечает И. Крастев, по мере того как распространяются информационные и коммуникационные технологии, общественная жизнь все больше демократизируется, а индивиды получают все больше возможностей. Однако в то же время новые технологии позволяют правительствам и крупным корпорациям собирать, организовывать почти неограниченный объем информации о предпочтениях и моделях поведения граждан и иметь к ней моментальный доступ. Возможности для манипулирования и даже принуждения становятся все более очевидными, так что над самыми основами демократии нависла реальная угроза. Элиты обращаются к выборам как к возможности манипулировать людьми, а не выслушивать их; новые технологии маргинализуют голосование как источник обратной связи, в то время как протестующие используют выборы в качестве возможности собственной демонстрации, а не как инструмент формирования политики¹²³.

В то же время новые цифровые технологии, прежде всего Интернет, производят *сегментацию (или фрагментацию)* процесса управления в связи с новой социальной дифференциацией, или социальной диффузией: сегодня существует множество центров или референтных групп, в которых формируются свои сегменты общественного управления (в частности, самоуправление), которые не всегда дополняют государственное управление. Более того, при очевидном росте контроля со стороны государства за населением, использующим, в свою очередь, новые технологии, обеспечивающие относительную приватность, он — контроль — затрудняется в связи с использованием цифровых технологий. Поэтому во множестве социальных групп складываются собственные области самоуправления и порядки (так называемое

¹²² Там же.

¹²³ Krastev I. From Politics to Protest // Journal of Democracy. 2014. Vol. 25, № 24. P. 5—19.

«живое право» в социолого-правовой терминологии), воспроизводимые повседневными практиками. В этой связи возникает серьезная теоретическая (и практическая) проблема, как государственное управление и официальное право должны реагировать на такую мультикультурность. Полагаю, что ответ зависит от политики данного государства и оценки неофициальных правовых институтов — насколько угрожающими они воспринимаются правящей элитой¹²⁴. Кроме того, развитие цифровых технологий в демократических государствах формирует нового субъекта политико-правовой инновации — народную инициативу, которой, чтобы она стала фактически действующей, должен быть придан официальный статус законодательной инициативы. Еще важнее, с точки зрения социологии права, роль медиа, использующих цифровые технологии, в деле легитимации официально принятого нового политического института. Так, в нашумевшей книге Э. Херманна и Н. Хомского «Производство согласия»¹²⁵ авторы развивают идею о принципиально важной роли СМИ в формировании общественного мнения (прежде всего в сфере международной политики, в том числе относительно Вьетнамской войны в США, признания выборов в странах третьего мира свободными или антидемократическими в связи с идеологическим отношением к ним в Белом доме). Только если широкие народные массы принимают политический акт, используют его в повседневных практиках, тогда он обладает социальной действенностью как действительностью, в противном случае остается мертворожденным.

Итак, власть (точнее, власти — во множественном числе) в конкурентной борьбе с другими центрами власти, используя цифровые медиа-технологии, формирует общественное мнение, убеждая население в том, что данная политическая инновация жизненно необходима. Затем придает ей соответствующую (часто — юридическую) форму. Далее убеждает население соблюдать, исполнять, использовать и представителей государственной власти — применять новое правила поведения (новый правовой институт). М. Кастельс достаточно подробно описывает, как именно

¹²⁴ Подавляющее большинство неофициальных правовых институтов дополняют действующее законодательство, хотя некоторые (например, институты преступных сообществ) ему очевидно противоречат.

¹²⁵ Herman E., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. 2-nd ed. N.Y., 2002. Относительно роли СМИ в конструировании общественного мнения авторы опираются на пионерскую работу У. Липпмана «Общественное мнение» (1922).

медиа создают основной источник социализирующей коммуникации, т. е. коммуникации, обладающей потенциалом охвата общества с помощью «фреймирования общественного сознания». «Исследования коммуникации, — пишет испанский социолог, — определили три основных процесса, вовлеченных в отношения между медиа и населением при передаче и получении новостей, с помощью которых граждане воспринимают себя в отношении с миром: установление повестки дня, прайминг и фрейминг.

Установление повестки дня относится к формированию особой значимости одного конкретного вопроса или набора информационных тем источником сообщения (например, конкретной медиаорганизацией) в надежде, что аудитория с повышенным вниманием отнесется к содержанию и формату подобного сообщения. <...> Исследования повестки дня установили, что осведомленность общества в вопросах, в частности, политических/стратегических, тесно связана с уровнем освещения вопросов в национальных медиа.

Прайминг (фиксирование установки) происходит: когда новостной контент подсказывает новостным аудиториям, что они должны использовать специальные темы как ориентиры для оценки эффективности деятельности лидеров и правительств. Это часто понимается как расширение установленной повестки дня... Гипотеза прайминга опирается на когнитивную модель ассоциативных сетей. Она предполагает, что сюжеты, связанные с конкретными вопросами, которые влияют на один узел памяти, могут распространяться, влияя на мнения и установки по другим вопросам.

Фрейминг — это процесс отбора (селекции) и выделения некоторых аспектов событий или проблем и установления связей между ними таким образом, чтобы способствовать распространению определенной интерпретации, оценке и (или) решению. Фрейминг представляет собой основной механизм активации сознания, поскольку он напрямую связывает структуру передаваемого медиа нарратива с нейронными сетями мозга. <...> Фрейминг как выбранное отправителем сообщения действие иногда является преднамеренным, иногда случайным, а иногда интуитивным, но он всегда обеспечивает прямую связь между сообщением, получающим его мозгом и следующим за этим действием»¹²⁶.

¹²⁶ Кастельс М. Указ. соч. С. 184—185.

Таковы новые функции постсовременного государства и новые формы их осуществления. Одной из важнейших функций любого государства, как отмечалось ранее, является функция обеспечения безопасности или контроля за насилием, рассмотрению которой посвящен следующий раздел учебного пособия.

4. ФУНКЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗА НАСИЛИЕМ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Проблема контроля за насилием, или обеспечения безопасности, вытекает из того, что «все общества сталкиваются с проблемой насилия. Независимо от того, насколько люди предрасположены к насилию генетически, возможность применения насилия со стороны некоторых индивидов представляет важнейшую проблему для любой группы. Ни одно из обществ не решило эту проблему путем устранения насилия; в лучшем случае его можно сдерживать или пытаться им управлять. <...> Не существует простого способа измерения уровня насилия в обществе»¹²⁷. «Насилие (*violence*) — в различных его проявлениях — неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия, — пишет Я. И. Гилинский. — Социальное насилие, включая “культурное насилие” (*J. Galtung*), “воспитательное насилие” (*W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr*), “насилие экономики” (*N. Luhmann*), криминальное насилие, пронизывает все сферы человеческой жизнедеятельности. А еще есть насилие политическое, религиозное, спортивное. Да и само “право поражено насилием” (*W. Benjamin*).

Агрессивность — свойство, присущее животному миру и необходимое для выживания. Но если *агрессия* животных инструментальна — борьба за пищу, борьба за самку, защита детенышей и т. п., то насилие в мире людей выходит далеко за рамки вынужденного, необходимого для выживания (“куража ради”, “по пьянке”, “из хулиганских побуждений”, от ненависти, в целях обогащения и т. п.). Насилие сопровождает человечество всю его историю — от убийств в первобытном обществе каменными топорами до возможной ядерной катастрофы»¹²⁸.

¹²⁷ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Указ. соч. С. 56, 418.

¹²⁸ Гилинский Я. И. Криминальное насилие в современном обществе // Криминалистика. 2019. № 4 (29). С. 3.

Логика контроля над насилием в порядке открытого доступа (открытого, демократического общества), по мнению Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, «предполагает три элемента: 1) консолидированная организация военных и полицейских сил подчинена контролю политической системы; 2) политическая система должна быть ограничена набором институтов и стимулов, ограничивающих нелегитимное применение насилия; 3) для того чтобы политическая фракция или партия оставалась у власти, она должна обладать поддержкой широко определенных экономических и общественных интересов. Открытый доступ в экономической системе защищает политическую систему от манипулирования экономическими интересами и гарантирует смену власти в случае злоупотребления контролем над вооруженными силами со стороны политической группы. Эти три элемента государственной монополии на насилие должны быть развиты в институциональных рамках, которые делают достоверными обязательства об ограничении применения насилия и поддержании открытого политического и экономического доступа. Контроль над насилием в более широком обществе осуществляется путем сдерживания — угрозы наказания со стороны государства, а также лишения не государственных организаций, применяющих насилие, доступа к оказанию организационной поддержки»¹²⁹.

Контроль над насилием — важнейший элемент социального контроля. *Социальный контроль* — условие воспроизводства (как традиционного, так и инновационного) социума, сохранения социальности. Все виды принуждения и ограничений, выступающих имманентным свойством социального контроля, «являются одновременно разновидностями возможностей, средством “санкционирования” деятельности»¹³⁰. Поэтому проблема «социального контроля есть в значительной степени проблема социального порядка, сохранности общества как целого» — пишет Я. И. Гилинский¹³¹. При этом социальный контроль включает не только деятельность государственной власти по выявлению социальных девиаций (причем только «негативных»), но и все государственное управление и даже самоуправление в обществе (начиная с малой группы и заканчивая человечеством).

¹²⁹ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Указ. соч. С. 69—70, 220—221.

¹³⁰ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 183.

¹³¹ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. С. 388.

*Социальный контроль, обеспечивающий контроль над насилием, с позиций постклассической, процессуальной — дискурсивной (так как деятельность человека опосредована знаково-символически) — точки зрения представляет собой, во-первых, определение того, что считать общественным порядком, состоянием общественной безопасности (и правопорядком), и что считать его (ее) нарушаемостью. Во-вторых, мониторинг состояния общественного порядка, общественной безопасности. В-третьих, допустимые способы и механизмы выявления, реагирования и предупреждения его (ее) нарушений, прежде всего сдерживания отклонений от нормы. Близкой представляется позиция Я. И. Гилинского, который считает, что контроль над преступностью включает: установление того, что именно в данном обществе расценивается как преступление (криминализация деяний); установление системы санкций (наказаний) и конкретных санкций за конкретные преступления; формирование институтов формального социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суд, органы исполнения наказания, включая пенитенциарную систему, и т. п.); определение порядка деятельности учреждений и должностных лиц, представляющих институты контроля над преступностью; деятельность этих учреждений и должностных лиц по выявлению и регистрации совершенных преступлений, выявлению и разоблачению лиц, их совершивших, назначению наказаний в отношении таких лиц (преступников), обеспечению исполнения назначенных наказаний; деятельность институтов, организаций, частных лиц по осуществлению неформального контроля над преступностью (от семьи и школы до общины, клана, землячества, «соседского контроля» — *neighbourhood watch*); деятельность многочисленных институтов, учреждений, должностных лиц, общественных организаций по профилактике (предупреждению) преступлений¹³².*

Если полицейская концепция безопасности ставит безопасность государства в зависимость от детального регулирования «людей и вещей», считает М. Дин, то «в либеральной проблематике безопасность лучше всего достигается созданием условий, в которых индивиды могут пользоваться разными свободами. Впрочем, там, где отправление свободы может подорвать безопасность собственности или государства, либерализм продолжает ли-

¹³² Там же. С. 393.

нию полиции и рекомендует тщательно регулировать жизни определенных групп населения. <...> Для либерализма свобода или свобода воли — условие безопасности. Значит, чтобы управлять надлежащим образом, добиваться безопасности, необходимо уважать свободу управляемых, дабы естественные процессы в экономике и населении были эффективны»¹³³.

Новое рефлексивное управление, рассмотренное выше, как конструирование сообщества и его агентности, проявляется в новом подходе к субъектам преступности (девиантности). «Было проведено удивительное политическое восстановление в правах жертв преступности. Преступник больше не жертва среды, социальных условий или наследственности, которую следует наказывать, реабилитировать и вернуть в общество после выплаты “долга”. Мы стали свидетелями своего рода метаморфозы *Homo criminalis*, открытого веком ранее в криминологии. Теперь криминальное поведение — это лишь проявление уровня риска, характерного для групп населения. *Homo criminalis* — это элемент, присутствующий внутри каждого без исключений, его следует устранить и сдерживать, уничтожить и нейтрализовать даже — если это возможно — до того, как он проявит себя в преступлении. Однако центральное место теперь занимают жертвы преступлений. Они нуждаются в консультации и помощи (например, психологическая помощь при посттравматическом стрессе). Они — индивиды, домохозяйства, соседские сообщества — не смогли управиться со своим риском. Поэтому им нужно быть уполномоченными, формировать группы поддержки, обретать политический голос и возвращать себе сопряженные с риском время и пространство (например, в феминистских маршах “Вернуть себе ночь” или используя частные охранные фирмы, камеры наблюдения, безопасную жилую застройку, программы “присмотра за соседями”). Поэтому агентность жертв мобилизуется, чтобы требовать более суровые наказания при помощи таких мер, как “истина в приговоре”, “закон трех ошибок”¹³⁴ и даже, в частности в США, смерт-

¹³³ Дин М. Указ. соч. С. 295.

¹³⁴ «“Истина в приговоре” (*truth in sentencing*) — в большинстве случаев это законодательные акты или иные меры, накладывающие запрет на досрочное освобождение осужденных или ограничивающие его. Действуют в США, Канаде и Австралии. В США первый закон, требующий “истины в приговоре”, был принят на уровне штата в 1984 году. “Закон трех ошибок” (*three strikes legislation*), или закон о злостных нарушителях — принятые в ряде штатов законодательные

ная казнь. Наши практики наказания не просто служат социальной реституции, в которой вопрос о справедливости решается и регулируется исполнительной и судебной ветвями государства. Они также являются местом столкновения между криминальным проявлением опасности и подверженным риску сообществом, требующим новой формы возмездия и нового типа социальной защиты. В этом столкновении государство действует как *нейтрализованный и нейтрализующий рефери*»¹³⁵.

Как следует трактовать *общественную безопасность* с позиций постклассической методологии? А. Л. Гуринская полагает, что «в криминологической литературе можно выделить две линии осмысления содержания термина безопасность. Согласно первой, можно говорить о существовании общего понятия безопасности, которое можно успешно применить к различным сферам, наполняя эти элементы конкретным содержанием в зависимости от того, о какой области жизни идет речь. Согласно второй, дать понятие безопасности невозможно, а можно лишь изучать эмпирическим путем практики, связанные с ее обеспечением. Утверждается, что безопасность имеет объективную и субъективную стороны. В объективном смысле она представляет собой такое состояние, в котором отсутствуют угрозы, существует защита от угроз или вероятности наступления вреда либо есть возможность уклониться от угрозы и избежать вреда. В субъективном смысле безопасность характеризуется отсутствием страха перед угрозами, которое может совпадать с объективной ситуацией, а может и не соответствовать ей. Таким образом, безопасность рассматривается с точки зрения в том числе и конструктивистских социальных теорий»¹³⁶. Очевидно, что вторая точка зрения в целом может быть квалифицирована как постклассическая.

Достаточно популярным сегодня является критическое направление исследований безопасности (так называемая валлийская школа). Такие исследования дают расширительную трактовку понятия безопасности, включают практически все сферы

акты, требующие приговаривать подсудимого к длительному тюремному сроку вплоть до пожизненного, если он совершил три серьезных преступления. Первый обязательный к применению закон трех ошибок был принят в 1993 году в штате Вашингтон». — Дин М. Указ. соч. С. 408.

¹³⁵ Там же. С. 407—409.

¹³⁶ Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 20.

жизни общества и переориентируют это понятие на индивидуальный уровень¹³⁷. Однако в таком случае любое действие человека и все сферы общественной жизни попадают в сферу общественной безопасности. Последовательное проведение в жизнь такого подхода вполне может привести к военному авторитарному политическому режиму¹³⁸.

Более продуктивным представляется постструктуралистский подход, разрабатываемый копенгагенской школой международной политики как «теория секьюритизации». «Вместо догматических попыток отыскать “единственно верное понимание” термина “безопасность”, задача исследователя состоит в том, чтобы понять, как его интерпретация меняется с течением времени. <...> Создатели теории секьюритизации Оле Вэвер и Барри Бузан не участвуют в дискуссии о соотношении угроз, а изучают эту дискуссию с целью выяснения того, какие угрозы данное общество признает в качестве объективно существующих, как расставляются приоритеты публичной политики в области безопасности»¹³⁹.

Теория секьюритизации «отвергает мнение, что отправной точкой в исследовании безопасности должны быть “реальные угрозы”, указывая на то, что ни одна теория безопасности до сих пор не смогла выработать методологию измерения “объективного уровня безопасности” или, что то же самое, “объективной серьезности” угрозы. Даже оценка такого, казалось бы, очевидного факта, как переход границы государства вражескими танковыми частями зависит от определения “вражеский”, которое может быть только продуктом политического процесса»¹⁴⁰. Очевидно, например, отмечает В. Е. Морозов, что «террористическая угроза Соединенным Штатам Америки объективно существовала до

¹³⁷ Critical Security Studies: Concepts and Cases / ed. by K. Krause, M. C. Williams. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.

¹³⁸ «Распространение “расширительных” трактовок безопасности началось практически одновременно с рассуждениями о трансформации Вестфальской системы, размывании понятия суверенитета и т. д. <...> Как стало особенно очевидно после событий 11 сентября 2001 года, тотальная озабоченность безопасностью ведет к распространению массовых истерий, а также к введению все новых контрольных процедур, прямые и косвенные издержки которых намного превышают потери в результате террористических актов». — Морозов В. Е. Россия и другие : Идентичность и границы политического сообщества. М., 2009. С. 210. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

¹³⁹ Там же. С. 210, 212.

¹⁴⁰ Там же. С. 223.

11 сентября 2001 года, однако лишь после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне она стала серьезным, во многом решающим фактором, определяющим эволюцию внутренней и внешней политики США. Точно так же можно приводить бесчисленные аргументы в пользу утверждения, что расширение НАТО не несет угрозы для России, однако сам факт того, что это расширение интерпретируется в России как угроза, свидетельствует о продолжающемся процессе воспроизводства образа Запада как геополитического противника — процессе, который, конечно, необходимо всесторонне исследовать»¹⁴¹.

Секьюритизация в таком, постклассическом, смысле — это дискурс о том, что в данном конкретном обществе и в соответствующем контексте (в том числе, в связи с конкретными ситуациями) считается состоянием общественной безопасности и ее нарушением. Как пишут представители копенгагенской школы, секьюритизация — это анализ иерархии приоритетов, проблем, которые общество признает в качестве первоочередных, и в первую очередь выделение некоторого круга неотложных угроз, которые конкурируют между собой за право именоваться «крайней необходимостью»¹⁴². При этом секьюритизация имеет место в случае, когда речевой акт секьюритизации оказывается успешным, т. е. «вызывает достаточный резонанс для формирования платформы, с которой возможна легитимация чрезвычайных мер или других шагов, которые были бы невозможны, если бы дискурс не принял формы обсуждения экзистенциальных угроз, точки невозвращения и необходимости»¹⁴³. Поэтому смысл безопасности как практики состоит в том, что в силу экзистенциального характера постулируемой угрозы предлагаемые меры должны быть именно чрезвычайными, принимаемыми в обход или в нарушение существующих стандартных процедур, должны пользоваться абсолютным приоритетом¹⁴⁴.

Таким образом, резюмирует В. Е. Морозов, «копенгагенская школа понимает секьюритизацию, так же как и политизацию, как интересубъективный процесс. Теория секьюритизации позволяет определить круг вопросов, которые в данном обществе в данный исторический момент рассматриваются как проблемы

¹⁴¹ Там же. С. 13.

¹⁴² Buzan B., Waever O., Wilde J. de. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, London: Lynne Rienner, 1998. P. 23—24.

¹⁴³ Ibid. P. 25.

¹⁴⁴ Ibid. P. 25.

безопасности. <...> Установив, что та или иная проблема является предметом практики безопасности, мы получаем возможность обсудить ряд насущных политических вопросов: какие особенности угрозы, например, оправдывают применение предлагаемых чрезвычайных мер? Насколько достоверно описание угрозы, ее неизбежности в случае неприятия предлагаемых мер предотвращения, будет ли угроза предотвращена с помощью предлагаемых мер? Готово ли общество мириться с побочными эффектами секьюритизации, то есть с отступлением от принятых процедур и практик»¹⁴⁵.

Что же считать *нарушением общественной безопасности*? В целом — то, что в данном обществе считается угрозой безопасности. Однако, как отмечалось выше, в сложноструктурированном постсовременном социуме достаточно трудно найти консенсус среди всего (и даже подавляющего большинства) населения по поводу тех опасностей, которые, например, не угрожают непосредственно жизни и здоровью человека¹⁴⁶. Особую сложность представляет оценка формальных составов правонарушений или таких, последствия от которых отдалены во времени (например, экологические деликты). Экспертные оценки и широкая делиберация, конечно, более предпочтительны по сравнению с волюнтаристским принятием решения, например о криминализации, но и они не дают гарантии обеспечения безопасности в обществе перманентной неопределенности. В результате сегодня наблюдается «тенденция к необоснованному расширению числа общественно опасных деяний, чрезмерная репрессивность уголовного закона являются отчетливыми чертами современной уголовной политики в США и Великобритании. <...> Следствием криминализации... стал феномен сверхкриминализации. Уголовное право все чаще становится механизмом превенции и инструментом регулирования, наряду с такими механизмами, как налоги и сборы»¹⁴⁷. Одновременно с этим неолиберализм как господствующая на за-

¹⁴⁵ Морозов В. Е. Указ. соч. С. 224.

¹⁴⁶ Как показали события 11 сентября 2001 года и реакция на них жителей западных государств, не все из них были согласны, что это «вопиющая несправедливость» (по терминологии Г. Радбруха). По крайней мере некоторая часть населения этих стран, живущих на пособия по безработице или получивших статус беженцев, оценивала это событие как справедливый акт возмездия.

¹⁴⁷ Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : автореф. д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 32.

паде доктрина приводит к тому, что преступность стала рассматриваться как неотъемлемое свойство бедных слоев общества и иных, отклоняющихся, «опасных» сегментов социума¹⁴⁸.

В абстрактной форме решение этой проблемы предлагает лидер неореспубликанской политической философии Ф. Петтит. По его мнению, доминирование — это власть вмешательства, основанного на произволе. «Любое отношение доминирования имеет три аспекта. <...> Человек обладает доминирующей властью над другим или подчиняет себе другого в той мере, в какой 1) он способен вмешиваться 2) на основе произвола 3) в определенные решения, которые может принимать другой. <...> Вызываемое вмешательством ухудшение всегда носит более или менее преднамеренный характер: оно не может происходить случайно, например, когда я вдруг оказываюсь у вас на пути или вступаю с вами в конкуренцию за дефицитный товар: это должно быть как минимум действие, которое совершается по неосторожности. <...> Вмешательство в моем понимании охватывает широкий диапазон возможного поведения. Оно включает насилие над телом, как в случаях сдерживания или обструкции, насилие над волей, как в наказании или угрозе наказания, и, если добавить категорию, не столь заметную в прежние времена, оно включает манипуляцию: последняя обычно осуществляется скрытно и может принимать такие формы, как фиксация повестки дня, скрытое формирование убеждений и желаний, воздействие на иррациональную сферу сознания или управление последствиями человеческих действий»¹⁴⁹. В то же время Ф. Петтит не может не признать, что его определение доминирования как основания для правовой политики запретов является контекстуальным, ситуативным. «В определении того, ухудшает ли то или иное действие чью-то ситуацию выбора, всегда участвует релевантный контекст, поскольку контекст дает точку отсчета, отправляясь от которой мы решаем, произошло ли ухудшение. Эта контекстуальная чувствительность имеет важные импликации, касающиеся степени вмешательства. Например, в каких-то обстоятельствах формой вмешательства могут считаться акты несовершения действий. <...> Например, вме-

¹⁴⁸ См. подробнее: Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago : The University of Chicago Press ; Oxford : Oxford University Press, 2001.

¹⁴⁹ Петтит Ф. Указ. соч. С. 108—110.

шательством является использование крайней нужды, испытываемой каким-то человеком, для заключения невыгодной для него сделки»¹⁵⁰.

Также проблематичной является оценка мер по противодействию или предупреждению опасностей и рисков, прежде всего преступности. В условиях большей ориентации на конструируемое властью общественное мнение эффективная борьба с преступностью стала увязываться с усилением и расширением общественного и государственного контроля и даже с сегрегацией «опасного сегмента населения». Одновременно, как отмечает Д. Гарланд, наиболее значимым процессом в сфере уголовной юстиции является оформление и развитие нового общественного (точнее — негосударственного) сектора контроля над преступностью — обеспечения безопасности граждан и преступников. Его образуют частные организации, занимающиеся предотвращением преступлений; создаваемые локальными сообществами образования, которые выполняют те или иные полицейские функции. Такое «частно-государственное партнерство» формирует практики взаимодействия активной общественности с правоохранительными органами в деле охраны общественного порядка. Существование нового сектора смещает акценты в борьбе с преступностью от установки на возмездие, устрашение к ориентации на предотвращение преступлений и управление рисками в данной области, на устранение криминогенных ситуаций. Новый сектор с его аппаратом возлагает надежды на действие граждан и их организаций.

В то же время, как указывает Д. Гарланд, наличие негосударственных инстанций, занимающихся контролем над преступностью, ограничивает возможности государственной юстиции произвольно формировать свою политику. Уголовная юстиция сейчас более чувствительна к сдвигам в настроениях общественности и политическому процессу. При этом новые законы и стратегии быстро вводятся в действие без предварительной консультации с профессионалами, а экспертный контроль в этой сфере значительно ослаб под воздействием популистского стиля принятия политических решений¹⁵¹.

¹⁵⁰ Там же. С. 111.

¹⁵¹ Garland D. Op. cit.

«Частные структуры в системе обеспечения безопасности, — пишет А. Л. Гуринская, — не только привлекаются к осуществлению традиционно государственных функций по исполнению наказания (“частные” тюрьмы), но и берут на себя отдельные полицейские функции — надзор, обеспечение общественной безопасности, профилактика правонарушений. Они действуют как в коммерческом (розничная торговля, развлечения), так и в публичном (охрана публичных мест, исполнение наказания) секторе. Это частные детективные и охранные агентства, инкассаторские службы, системы видеонаблюдения, охранные комплексы для дома и автомобиля и прочие приспособления для обеспечения безопасности. Еще в начале 2000-х гг. исследователи говорили о сформировавшейся индустрии частной безопасности. <...>

Безопасность становится, по сути, коммерческим благом, купить которое могут лишь немногие избранные, не исключенные из процесса потребления. Безопасность как товар обладает определенными особенностями, которые влияют на спрос, ценообразование и маркетинг. При этом вполне вероятно, что поставщики товаров и услуг на рынке безопасности сознательно стимулируют страх перед преступностью и другими опасностями, чтобы стимулировать потребление»¹⁵².

«Развитие неоклассического направления в криминологии оказало наибольшее влияние на практику предупреждения преступности в конце XX—начале XXI века. Все наиболее знаменитые стратегии противодействия преступности от “Соседского надзора” до “Безопасного города” основаны на идеях теорий сдерживания и рационального выбора, а также теории стандартных действий, исследованиях “горячих точек” преступности, теории близкого повтора и теории территориального моделирования рисков. Все эти теории разделяют идею о том, что преступление является результатом реализации появившейся возможности. Фокус исследований смещается с индивида на место совершения преступления. Исследования показывают, что существуют зоны, где преступность концентрируется. Соответственно, предсказать совершение преступления в такой зоне проще, чем прогнозировать преступное поведение отдельных индивидов. Эти теории в равной

¹⁵² Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ : монография. СПб., 2018. С. 57—58.

степени подходят для объяснения и прогнозирования практически любых форм преступной деятельности. Наибольшее распространение в практике профилактики преступности получил новый подход — ситуационное предупреждение преступлений, который опирается в том числе на стратегию предотвращения преступлений с помощью дизайна окружающей среды. В результате формируются новые тенденции полицейской деятельности, основанные на применении информационных технологий для определения перспективных целей для полицейского вмешательства. Прогностическая полицейская деятельность берет на вооружение разные типы компьютерного моделирования, топографические методы, анализ сетей для определения места и времени, в которых наиболее высок риск совершения преступлений, лиц, которые с наибольшей вероятностью их совершат, потенциальных потерпевших. В настоящее время более половины полицейских департаментов используют прогностические технологии. Однако пока не существует исследований, которые подтвердили бы, что эти технологии позволяют более эффективно осуществлять превентивную деятельность. Ситуационные методы внесли вклад в снижение уровня преступности во многих странах мира. Вместе с тем предупреждение одних видов преступлений в одном месте в ряде случаев приводило к их вытеснению в другие места, хотя иногда наблюдался и противоположный эффект — безопасность повышалась и в тех районах, которые находились вблизи районов, оснащенных средствами ситуационного предупреждения. Не следует забывать и о том, что преступность сравнительно быстро адаптируется к новым формам контроля. Более серьезная критика ситуационных технологий предупреждения преступлений связана с тем, что они приводят к чрезмерному контролю над жизнью индивида, предполагают возможность тотального наблюдения над гражданами. <...> Такой надзор может приводить к нарушению права на неприкосновенность частной жизни, приводить к снижению качества жизни. Кроме того, ситуационный подход игнорирует совокупность социальных, психологических, культурных объяснений преступности, часто способствует усилению страхов граждан, что препятствует солидарности и, тем самым, воспроизводит причины преступности»¹⁵³.

¹⁵³ Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 38—39.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. — 1994. — Вып. 5. — С. 161—168.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма : Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек ; пер. с нем. А. Б. Григорьева и В. Д. Седелника ; послесл. В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. — Москва : Прогресс-Традиция, 2007. — 464 с. — (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
3. Бурдьё П. Общественное мнение не существует / П. Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё ; пер. с фр. Н. А. Шматко. — Москва : Socio-Logos, 1993. — С. 159—177.
4. Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992) / П. Бурдьё ; [ред.-сост. П. Шампань и др.] ; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой ; предисл. А. Бикбова. — Москва : Дело, 2016. — 720 с.
5. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — Москва : Прогресс, 1990. — 8080 с. — (Социополитическая мысль Запада).
6. Волков В. В. Государство, или Цена порядка / В. В. Волков. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 160 с. — (Азбука понятий ; вып. 6).
7. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский. — 3-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2014. — 574, [2] с.
8. Гилинский Я. И. Криминальное насилие в современном обществе / Я. И. Гилинский // Криминалисть. — 2019. — № 4 (29). — С. 3—7.
9. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Гуринская Анна Леонидовна. — Калининград, 2018. — 46 с.
10. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ : монография / А. Л. Гуринская. — Санкт-Петербург : Рос. гос. педагог. ун-т им. А. И. Герцена, 2018. — 399, [1] с.
11. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Б. Джессоп ; пер. с англ. С. Моисеева под науч. ред. Д. Карасёва. — Москва : Дело, 2019. — 504 с.

12. Дин М. Правительственность : Власть и правление в современных обществах / М. Дин ; пер. с англ. А. А. Писарева под науч. ред. С. М. Гавриленко. — Москва : Дело, 2016. — 592 с.

13. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич под науч. ред. А. И. Черных. — Москва : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2016. — 564, [4] с. — (Переводные учебники ВШЭ).

14. Кельзен Г. Чистое учение о праве. — (2-е изд., 1960) / Г. Кельзен ; пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 542, [2] с.

15. Малган Дж. Искусство государственной стратегии : Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / Дж. Малган ; пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. ред. Я. Охонько. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 472 с.

16. Матузов Н. И. Публичная власть как объект научного анализа (вместо введения) / Н. И. Матузов // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности : [монография] / [Н. И. Матузов и др.] ; под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2011. — С. 13—38.

17. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт ; пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. — Москва : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 256 с. — (Экономическая теория).

18. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст ; пер. с англ. Д. Узланера [и др.]. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 480 с.

19. Поляков А. В. Права человека и суверенитет государства / А. В. Поляков // Постклассическая онтология права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. — С. 295—324. — (Толкование источников права).

20. Понкин И. В. Теория публичного управления : учеб. для магистратуры и программ Master of Public Administration / И. В. Понкин. — Москва : Буки Веди, 2017. — 732 с. — (Государственное и муниципальное управление).

21. Суверенитет. Трансформация понятий и практик : монография / под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. — Москва : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации, 2008. — 228 с.

22. Тихомиров Ю. А. Государство : монография / Ю. А. Тихомиров. — Москва : Норма, 2013. — 320 с.

23. Тоффлер Э. Метаморфозы власти : пер. с англ. / Э. Тоффлер. — Москва : АСТ, 2002. — 669, [3] с. — (Philosophy).

24. Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления. Интервью. Ч. 1 / М. Фуко ; пер. с фр. С. Ч. Офертаса под общ. ред В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — Москва : Праксис, 2002. — 384 с. — (Новая наука политики).

25. Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975—1976 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. Е. А. Самарской. — Санкт-Петербург : Наука, 2005. — 312 с.

26. Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. А. В. Дьякова. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 448 с.

27. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 382 с. — (Слово о сущем).

28. Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. фон Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскара и А. Кустарева под ред. А. Куряева. — Москва : Ин-т распространения информации по социальным и экономическим наукам, 2006. — 644 с. — (Серия «Политическая наука»).

29. Хардт М. Империя / М. Хардт, А. Негри ; пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — Москва : Праксис, 2004. — 440 с.

30. Честнов И. Л. Постклассическая модель государственности / И. Л. Честнов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2016. — № 1. — С. 62—79.

31. Ясаи Э. де. Государство / Э. де Ясаи ; пер. с англ. Г. Покатовича под ред. Ю. Кузнецова. — Москва : Ин-т распространения информации по социальным и экономическим наукам, 2008. — 410 с. — (Серия «Политическая наука»).

Учебное издание

*Илья Львович ЧЕСТНОВ,
доктор юридических наук, профессор*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учебное пособие

Часть 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА

Редактор *Н. Я. Ёлкина*
Компьютерная верстка *Е. А. Меклиш*

Подписано в печать 16.10.2019. Формат 60х90/16.
Печ. л. 4,0. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—130). Заказ 23.

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44